

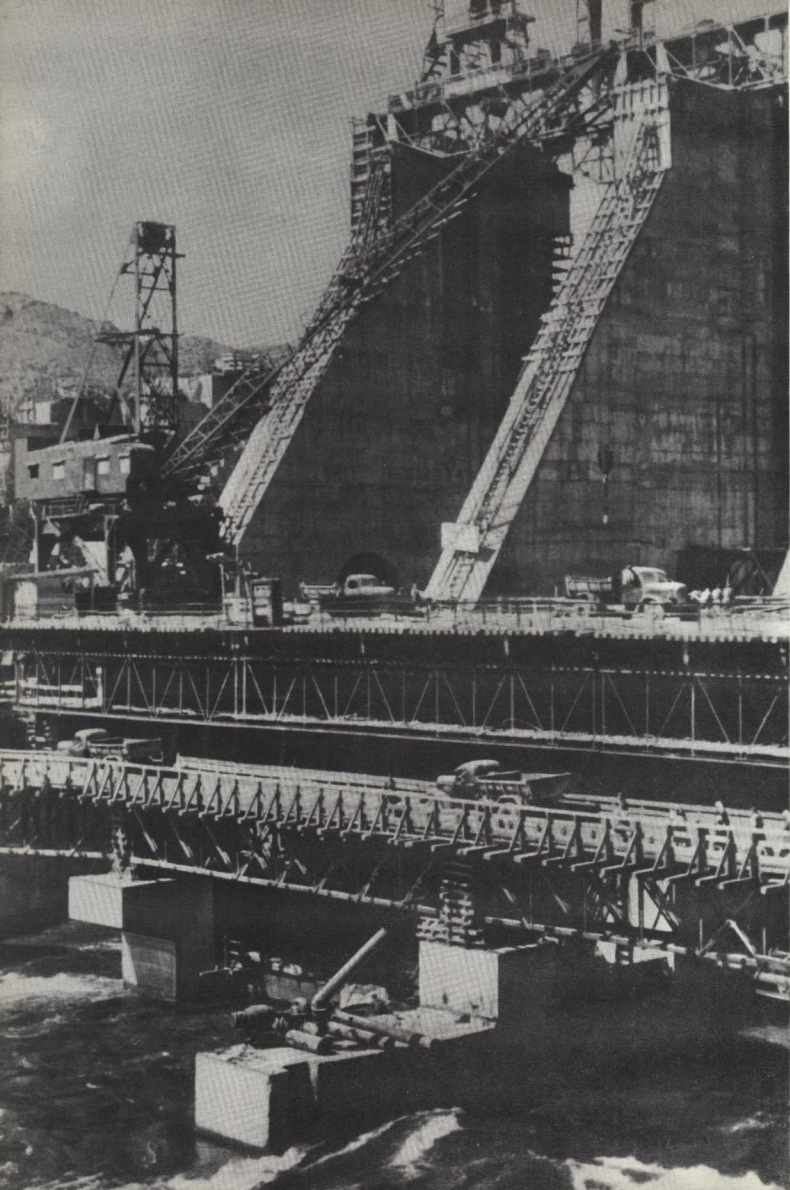

СМЕНА

22

1952

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Усть-Наменгорская ГЭС на реке Иртыше; водосливная часть плотины.

Центральная станция юных натуралистов и
опытников сельского хозяйства. На снимке:
педагог И. А. Манарова с юными натуралистами.
Фот. П. Воробья

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Ноябрь. № 22. 1952 год.

Год
издания
29-й

Мих. МАТУСОВСКИЙ

Цимлянское море

Уже в темнеющей воде
Последний луч погас.
Цимлянским морем мы идём
Уже десятый час.

Душистый запах трав степных
Доходит к нам с лугов.
Куда сейчас ни поглядишь —
Не видно берегов.

Встречает море нас в пути
Погодой грозной;
Оно показывает нам
Крутой характер свой.

Свет бакена то вспыхнет вдруг,
То спрячется во тьме.
Всю ночь стоит строитель ГЭС
Без шапки на корме.

Он смотрит, как летит воана
Всему наперерез,
Он видит, как горят вдали
Огни Цимлянской ГЭС.

И, на перила опершись,
Задумавшись на миг,
Глядит советский человек
На дело рук своих.

Великий путь

Уже замирает последний гудок,
уже теплоход пришвартован.
Прошли мы сияющим водным путем
от самой Москвы до Ростова.
Навстречу нам пахлы большие суда,
баркасы, плоты и буксиры.
Мы шаг питиморской дорогой страны,
дорогой счастья и мира.
Мы пахлы могучей и гордой рекой,
похожей на плавную песню.
Мы видели город, откуда взлетает
над русской землей Буревестник.
Мы видели город, где Ленин рождён,
где зальные воаны шумели
В весеннее утро, на ранней заре,
у детской его колыбели.
И вот на исходе июльского дня
в багровом сиянии заката
Поднялся над Волгою город-солдат,
чьё имя бессмертно и свято.
И слышен был флагмана гулкий гудок
в бескрайних просторах Союза,
Когда проходили в грядущее мы
воротами первого шаюза.
У пристани каждой толпились народ,
шумела у любого причала,
И нас на своей рукотворной волне
Цимлянское море качало.
Была перед нами в ночной синеве
дорога к Ростову простёрта.
Прошла, как виденье, Цимлянская ГЭС,
сверкая огнями вдоль берега.
И вступо: на Воле, на тихом Дону,
— пахлы через синие дали,
Мы сердцем своим обращались к Москве,
куда, где работает Сталин.
И мы повторяли: «Родная земля,
судьба твоа так величава!
За силу твою и за счастье твоё
великому Сталину — слава!»

Я. СЕГЕЛЬ,
В. ОРДЫНСКИЙ

ТРАССА

ДЕВЯТЬСОТ ГЕКТАРОВ
Рае Мартыновой пришлось труднее всех. В первый же день неудача. Встал трактор. Мотор ревет, а машина ни с места. Что такое? Загашила мотор, а звать на помощь неохота: у ребят своих дела хвоят. Хоть плачь!
А кругом тихо, только далеко работают тракторы.
Вдруг за спиной повисла Федя Боялов.

— Ты чего стоишь?
— Вот, стою... — И такое у девушки было огорчённое лицо, что Федя, ни слова не говоря, полез в мотор, а потом сразу к сцеплению.

— Сожгла?
— Выходит, сожгла...
— Давай ключи.
Немного спустя Рая снова вела трактор.
— Ты лоту на сцеплении всё время не держи! — кричал Федя.
Рая кивнула: «Хорошо»...
— И не волнуйся!
Рая снова кивнула, но волноваться, конечно, не перестала.
В бригаде Николая Малышева висит график: слева «0», а справа «90», и от каждой фамилии тянется полосочка красной тушью.

900 гектаров мягкой пахоты на пятнадцатисильном тракторе — таких обязательств не брала даже бригада лауреата Сталинской премии Ивана Яковлева из Давыдовской АЭС.

900 гектаров — это значит всё продумано и проверено до мелочей, это значит — технические возможности пахот горючее желание сделать больше.

Именно такое желание владело комсомолец Раей Мартыновой, когда прошлой осенью она пришла в бригаду.

— Сажайте на трактор, не жек мне принципией быть.
Всю зиму она помогала готовить машины к весне, а весной села за штурвал.

— Красные полосы на графике медленно приближались к самым напряжённым дням, дням посадки. И против фамилии Мартыновой полосочка была не короче других.

В эти дни бригада решила работать сверх положенного времени.

Вечером ждали Виктора Дедикова, он должен был привезти сцепку, которая позволяла к одному трактору подсоединить несколько агрегатов. Приехал он к ночи.

— Вот какое дело... В темноте и на камень сцепку напорол, ну и слова...

Ребята молчали.
— Я всё хоч спать не буду, а к утру почию. На работу не опоздаю.

Саша Ткачёв только глубоко вздохнул:

— Хорош из тебя рабляничек наутро будет! Иди-ка ты спать.

— Как спать, а сцепка? Нет, и спать не лгу.

— Иди, иди, — настоятельно повторил Саша, — Иди, тебе со светом вставать.

Обеспечить дальнейшее расширение работ по полезащитному лесоразведению в степных и лесостепных районах, проведение агролесомелиоративных мероприятий по борьбе с эрозией почв, а также по облесению песков, создание лесов хозяйственного значения, зеленых зон вокруг городов и промышленных центров, по берегам рек, каналов и водохранилищ.

Деревьями XIX столетия востановлен восточный памятник лесу в районе ст. СССР на 1902-1955 годы.

Лесная полоса Астрахань — Сталинград посады весны 1951 года.

ЮНОСТИ

Трудно сказать, как спал в эту ночь Виктор. А Саша Ткачѐв и токарь автоподной мастерской Виктор Волков всю ночь ремонтировали сцепку. Разбудили даже учётика Николая Таранова.

- А что я буду делать? — спросил тот со сна. — Я же учётик.
- Найдѐтся работа. Вставай.
- А Виктору в это время, наверное, снились поломанная сцепка и красная полоска на графике, которая ползѐт не к «900», а обратно — к «8». На рассвете его разбудил Саша Ткачѐв:
- Поехажь.

Виктор сел и поехал. Он знал: случился такое с кем-нибудь другим, он тоже не будет спать ночь, а если нужно, то и две и три... Обгоняют друг друга красные полоски на графике бригады. Многие из них уже перешли цифру «900», которая вначале казалась такой далѐкой, почти недостижимой... Бригада трактористов выполняла взятое обязательство не к 7 ноября, как это было решено вначале, а ко дню открытия XIX съезда партии.

ТО, ЧТО НЕ МОГУТ СДЕЛАТЬ МЕХАНИЗМЫ

Десятки самых различных механизмов обслуживают Камышинскую АЭС. В тракторных бригадах есть тракторы разных марок и мощностей. Один 80-сильный трактор свободно вырвет с корнем огромный дуб. Автомашин АЭС за один день способны перевезти сотни тонн грузов. Но все эти умные и мощные машины не в силах справиться с обыкновенным степным сорняком. Есть промежуток между деревьями, где сорняк подсаем для культиватора. Из этих промежуток складывается сотни гектаров, и их приходится обрабатывать вручную, обыкновенной мотыгой.

О асексуальной бригаде Марии Чариковой пишут в газетах и говорят по радио, бригаде Чариковой посвящены плакаты... Сама же Чарикова — маленькая женщина с крепкими руками — очень просто объясняет свои успехи:

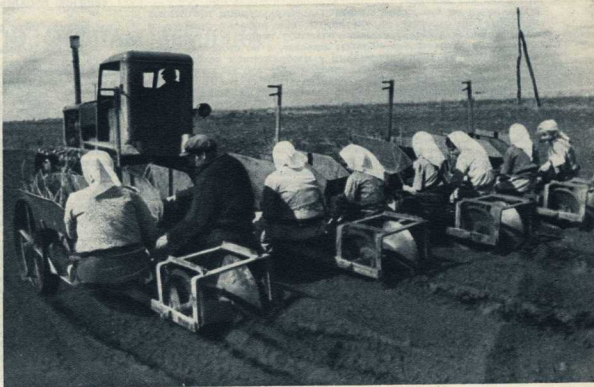
- Сво процентов выполняем за себя, а сто — за шефок: они же не могут круглый год за своими посадками ухаживать. Вот и получается две нормы. Сейчас изобретатели работают над тем, чтобы полностью механизировать посадку и уход. Но пока ещё помощь шефов — комсомольцев — очень нужна АЭС...

Два города — Сталинград и Камышин — шефствуют над «Тракторной юности». Каждый год осенью и весной, в напряжённые дни посадок комсомольцы городов приходят на свою трассу. В эти дни работают всё светлое время суток. Природа отступила на посадку всего 10—15 дней. Сажать надо быстро, но аккуратно. Неточное движение — и саженец погибнет. Этого не заметишь в момент посадки, только спустя год пустые участки на полосе напомнят об ошибках прошлого года.

- Так что не обижайтесь, товарищи шефы, — сказали комсомольцам на АЭС, — придётся вам потренироваться.
- Как потренироваться?
- А так: на палочках и в чистом поле. Научитесь сажать палочки — доверим вам настоящие саженцы и пустим на полосу.
- Ну что ж...

И шефы, скрывая смущение, собираются на посадочные машины и «выскапывают» в землю сухие палочки. А строгие девушки из асексуальных бригад идут следом и придирчиво проверяют качество «посадок». А когда молодые железнодорожники Сталин-

Лесопосады в Сталинградской области.

Лесокультурницы из бригады Марин Чарниовой.
Фото В. Ордынского

града и камышиновые комсомолки наконец овладевают навыками новой профессии, их молодые и сильные руки движутся так уверенно, будто они всю жизнь только и делали, что сажали леса.

Продвигаясь вперед зноивыя кинш строителя коммунизма, оставляя за собой ряды молодых деревьев.

Некоторые плодовые саженцы задела, несмотря на осень. Но девушки из лесокультурных бригад обнаружат нежизноразные цветы: осенью деревьями шести не поагаются, они должны набрать сил для зимовки.

Под вешер за бригадами шифов и лесокультурниц приезжают машины. Они выхают на укатанный, как асфальт, грейдер, и над степью, прогоняя усталость, взлетают песни.

Мчатся машины вдоль «Трассы юности», а по сторонам мелькают столбы, увенчанные дисками с изображением зеленых дубовых листьев. На трассе таких столбов 239 — это 239 километров будущего леса. Пройдет время, человек вырубит хлыме, уродливую разноразличные деревья, давая дорогу лучшим. И на каждом гектаре будет расти 500 деревьев, сильных, высоких, красивых.

Мчатся машины... Вот уже видно здание с колоннами — АЗС. Бригады въезжают в городок лесостроителей.

ДЕВИЧЬЯ КОМНАТА

Это уже так всегда бывает. Въезжает в пустую комнату мужчина, задвигает под кровать свой чемодан, одна газета стелется на стол вместо скверта, другая — на стену, чтобы не мазалась... А в этой комнате наперника живут девушки. Это видно с первого взгляда. Пол сверкает чистотой, на стенах вышки, а вместо вышек гитара с бантом и широкополая соломенная шляпа от солнца. На кроватях белоснежные кружевные покрывала, и снова вышки, но уже на подушках.

А вот и признаки профессии: в углу между тумбочкой и стеной полочка измерительная рейка, рядом на стене вычерченная от руки карта участка лесопосадок. На столе книги по зеленому строительству, счёты и фотоаппарат.

С красного плаката в комнату смотрят юноша и девушка. Надпись на плакате: «К новым успехам, молодая строитель коммунизма!». И как бы в ответ на этот призыв, ниже плаката висит почтенная грамота Сталинградского обкома комсомола. Этой грамотой наградили Лиду Макаркину. Лидя — отличник лесомелиоратор и лучший комсорг на АЗС.

Углуб принадлежат заводской лесомелиоратором Гае Завьялову, шляпа и измерительная рейка — Наташе Вецель, студентке

Московского лесотехнического института, а счёты и фотоаппарат — члену смешанной экспедиции Академии наук Союза ССР Оле Белопоперовой.

А по сути, всё в этой комнате принадлежит всем, кроме аппарата, которым, за исключением Оли, не умеет пользоваться никто.

Вот и сами девушки. Они появляются в своей комнате только под вечер, пахнувшие степным ветром и землей.

Гая Завьялова — заводчица лесомелиорантом. Кто-то шутя называл её «заводской»: под окном Гаяны висели саженцы, пребывавших в младенческом возрасте. Сколько надо заботы и нежности, чтобы молодая поросль развивалась нормально!

Молодые деревья должны вырасти крепкими и жизнеспособными. Им предстоит дальние путешествия. Их осторожно выкапывают, погружают на машины и перевозят туда, где они займут своё место в лесных полосах и дубравах.

Осенью этого года лесокультурники провели ремонт полов. Это был огромный труд, в основном завершивший посадочные работы. Около 8 миллионов новых растений заняли место погибших.

Гаяя идет по спуску «леса». Весны, осени, зимы, являны ростом ей по колено. Весной будущего года «мамыши» покинут питомник, а через несколько лет придётся заглядывать голову вверх, чтобы увидеть их кроны.

Но питомник не опустеет: Галя Завьялова и её друзья вырастят новые тысячи саженцев, которые станут садами, лесами, дубравами...

— Вот уже несколько дней Наташа Вецель, входя в комнату, задёт один и тот же вопрос:

— Девочки, мне письма не было? Ну что же они там, в Москве, думают?

Наташе необходимо решить сложный вопрос. Она, студентка 4-го курса Московского лесотехнического института на Камышинской АЗС проходит производственную практику. С октября в институте началось занятия, а на лесозащитной полосе — осенние посадки. Опасдывать в институту нельзя.

Но ведь поинте: во время посадок тоже уезжать не хочется! Ведь это — самое интересное! А разрешения остались из института всё ещё не прислают. И потом я тут нужна... Ведь верно?

— Верно, — Лиде Макаркиной жаль расставаться с подружкой.

Наташа почти всё время проводила на участке Лиды. Девушки сидят рядом, вместе по утрам впадают на работу, вместе возвращаются. Сейчас в самом разгаре осенняя инвентаризация, и участком лесомелиоратору Лиде Макаркиной просто не обойтись без Наташи.

...Уже потемнел свет, уже дважды пожевали друг друга «спокойной ночи», а разговоры и дважки комедии всё не прекращаются. Разговоры о лесах.

Оля готова часами рассказывать о выгоды так называемого квадратно-шахматного способа посадки. В этом году Камышинская АЗС выделала опытный участок, на котором Ольга Белопоперовская доказала многие преимущества этого способа. И самое главное: «квдратно-шахматный» значительно уменьшает затраты ручного труда.

— Девочки, а вы представляете, что будет, когда машина полностью заменит ручной труд! Человек сидит и только нажимает кнопки, а машина сама сажает, сама культивирует...

— Ой, девочки! Вот скажите «культивирует», а о мотыгах вспоминаю, — тяжело вздыхает в темноте Лидя. — А вдруг у Саши с его машиной ничего не получится!

«Секретарь комсомольской организации АЗС Саша Ткачев ещё раз перечитал заявления. Две комсомолки-лесокультурницы решили уйти с работы.

— Почему? Что, работа неинтересна? Зарплаты полные?

— Да нет, зарплаты хорошие, и работа нужная. А вот интереса в ней мало.

— Как так?

— А так! Мотыгой каждый махать может. А у меня семь классов. Могу выучиться, встать хоть к комбайну, хоть к другой какой машине. А мотыга — она и есть мотыга. Вот мы с Катей и решили: как кончатся посадки, попросим отчисления.

— Ну, а если бы вас здесь с машины поставили?

— Отчего же нет? Мы здесь привыкли, и девочка у нас хорошая. Вот написали заявление, а расставаться жалко. Только для нас пока машину не выдумали. Как ни кинь, а тридцать процентов работы на мотыгу идет.

— Ты так и процент подчитаешь?

— А что ж, граммотная!

— Ну, вот что, девушки, заявляете вы пока придерживаете, а машину я вам обещаю.

...

В кабинет к старшему лесничему АЗС Оля забежала на минуточку. Александр Семёнович Полковок сгреб со стола крошки махорки на очередную «козью ножку».

В кабинете плавал табачный дым.

Оля присела на кончик стула, она была в хлопотном снаряжении: в пальте и вагонной котлетнице. Через плечо неизменный фотоаппарат.

— Ты тут, Ольга Кольевна, сидела, присидывала, — говорит Полковок. — Закончили мы с вами посевы. Будущей весной приступим к дубравам промышленного значения. Это ещё девятьсот семьдесят гектаров. И потребуются нам на уход более тысячи человек. Если вы не поддёте наш культиватор.

— А когда он всё-таки пойдёт?

— Вот сейчас мы узнаем.
 На пороге стоял Саша Ткачёв и вытирал руки ветошью.
 — Готово, Александр Семёнович, можно испытать.
 — Ну что ж. Будем испытывать. Идыкто, Ольга Юльевна.
 Старший ассенгий надел фуражку...

Участковый механик Александр Ткачёв и старший ассенгий Александр Семёнович Поляков уже давно работали над созданием нового культиватора.

Сто двенадцать лет семья Поляковых служит аэрии. Многие десятилетия земляки были оружейниками, многие десятилетия — в работами отец и дед Александра Семёновича, но его, сорейского инженера, ама уже не удовлетворяла. Имным стали масштабы работ, задачи, имиными стали люди. И они требовали новых машин.

Александр Ткачёв, в прошлом сержант-танкист, а затем механик МТС, знал и любил машины. После окончания вечернего техникума он подолгу просиживал над расчётами и чертежами.

Практика требовала новых механизмов, ушных, посушных, как руки человека, способных, не задевая посадок, уничтожать их докучливых сорняков.

Каким образом авшки культиватора могут обойти дубки? Перешагнуть через них? Перепрыгнуть? Да, перепрыгнуть! Прошёл над возвышениями и, отсутствием в нужном месте, углубиться в почву, подрезая сорняки...

Так возникла идея прыгающего культиватора. Решили у обычного культиватора сделать среднее звено подъёмным. Под давлением роли рабочего сектора поднимался, проходила над дубками, а затем опускался в нужном месте.

Чтобы поднять сектор ногой, требовалось затратить усилие в 21 килограмм. Нет, это не решение проблемы... Нужно использовать силу, заключённую в цилиндрах тракторного двигателя. Пусть эта сила поднимает сектор. Постепенно выровсывалась новая конструкция культиватора с автоматическим подъёмом.

Саша целые дни проводил в мастерской. От отидя электросварщика до болыма главы. Но когда сварщик гнался его прочно, он только сорейно нагибал колку на лоб. Шли дни. Один детлинг агрегата заменился другим, обрезался и назывался снова...

...Культиватор стоял, окружённый плотным колымом людей. Шёл мелкий дождь, но народ не расходился. Рядом с изымидом, поблескивающим красным лаком трактором «ХТ-3» новая машина выглядела неузнаваемой. Но конструкторам их детинца казалась самой красивой машиной в мире.

Кто-то из присутствующих неуверенно сказал:

— Ну что ж, надо думать, пойдёт...
 — Не «надо думать», а пойдёт, — ответила Саша.

И культиватор пошёл! И культиватор, разрезая профсоюз садился за его работой. Сашинны друзья, трактористы из бригады Малыхина, тоже приехали. Они поочерёдно садилась за руль трактора. Каждому хотелось принять участие в испытании.

Александр Семёнович шёл рядом. Все было так, как нымчаево. Поамеры вонтроунной печати вокруг дубков и дынок разбегались, поблескивая красным лаком трактором «ХТ-3» новая машина выглядела неузнаваемой. Но конструкторам их детинца казалась самой красивой машиной в мире.

Посреди городской площади, окружённой центрами, на высоченном постаменте застыл бронзовый статуй. Он стоит спиной и огромной непомощной шапкой. Шапка и институт, носящему его имя. Шапка и он, и никто из людей, всю жизнь верил в человека.
 В руке строгого статуйа яблоко.
 В Подворонном институте и нём говорят, как о минувшем.
 Иван Владимирович сказал, Иван Владимирович учил...
 Дня застывшей улыбкой на телуду — ступило в нём растений: огромные огурки и картошкины на столах, томаты в банках, растения на полу, подоконниках, стенах.
 Дня застывшей улыбкой на телудой преподавателя Алексей Алексеевич Зубов.

Дня была необыкновенно ароматной, сладкой и сочной. Лишь никогда не приходило пробовать татю. Ему казалось, что именно тогда вся жизнь Алии, отдува приехала эта великолепная дыня. Было жалко, что вот сейчас она будет съедена и ничего из земляно-внурищница не попробует тату. Лишь в садике Алии, где семяна дыни на своём маленьком огородине.
 И первый брат отнёсся к алийной дыне детинчески:
 «Наш помидор. Ей нашего лета не хватит.»

Конструкторам их детинца казалось самой красивой машиной в мире. На снимке: старший ассенгий А. С. Поляков и участковый механик А. Ткачёв за испытанием культиватора.

фото В. Ордынского

— Ну, вот!
 Александр Семёнович молча кивнула головой и улыбался.

В октябре 1952 года на трибуну XIX съезда поднялся докладчик. Он рассказывал представителям партии о делах Сталинградского областного комитета. И, говоря о выполнении сталинского плана преобразования природы, он доложил съезду о том, что посадки на государственной полосе Камышин — Сталинград закончены досрочно. Камышин — Сталинград.

ПО СТОПАМ ЗЕМЛЯКА

— Хватит, — упрямое сказал мальчик и посадил драгоценные семена рядом с гридинами, где старший агроном изложил детинца. Надо иметь большое терпение, семена ждать надо в конце лета, получив результаты. Лишь тогда подолгу просиживал над своими детинцами, ждал и терпел. Если бы можно было взять и надуть дыню, как футбольный мяч! Солнце не хватило укоренённая юга, и к концу лета почти все растения погибли. А те немногие, что выжили, были совсем не похожи на те, что он видел раньше. Приездившую из Средней Азии.

Лишь долго анализ причины такой оговорки был тисний, и в период цветения некоторых растений с его гридинами переопыллись с дынями Фудинского. Переопыллись, поэтому и остались в живых.

Так началось увлечение, которому Лишь, впоследствии Алексей Алексеевич Зубов, решил посвятить свою жизнь.

Из года в год на маленьком огородине Зубовых вырастали необыкновенные дыни. Были годы особенно удачные, и тогда дыни, которые раздвигались дыни при усилении воздуха.

— Нет ли ещё такой же?

Были годы неудач, когда знаемые, возвращая семена, давали такую ошибку.

— Трава травой...
 Уже гридины, где некогда росли дыни, Фудинского, были целиком заняты алийными питомицами. Уже сами питомцы всё время были недружелюбными, но война помешала продлить опыты.

Перед застывшей аудиторией преподаватель Алексей Алексеевич Зубов.

— Такие образцы, срисованные сгодом, занесит такое от места, погодом, и главное, от человека, от нас с вами. И мы для того и учимся, чтобы смело амшиваться в дела природы.

Ассистент кафедры овоощеводства Алексей Алексеевич Зубов всего лишь погодою назад перестал быть студентом. Мать ещё с трудом верит, что её Лишь — уйма преподавателя. Да и заведующий кафедрой овоощеводства доктор сельскохозяйственных наук Иван Петрович Павлов лишь при людях называет его Алексеём Алексеевичем.

Написанная столяр парод Иван Петровичем дыня, внешне отдалённо напоминающая тытуну. Иван Петрович любозно берёт её в руки.

— Вот результат алийного опурства «Зубовская крупноплодная! Такие крупные на наших земляках ещё не росли. Помните русскую половицу: «Большую кукурузу рот рдедётся? Как же тут не радуваться! А ведь Лишь Зубов был ещё студентом, когда первым признания привлекли дыни на тытуну. Отсюда он получил, во-первых, размеры и вес три — четыре килограмма, а во-вторых, раннее созревание. Было неудачное лето, когда все дыни погибли, а вот «Камышнарды» и дышня «Крупноплодная» выдержали. Говорит, что дыню надо сажать только на песках. Егунд! Дел Песни — это от бедности. А вы знаете, уважаемые, что на совена «Зубовской крупноплодной» больше спрос! А вот пройдёте некоторые время — и Лишь продвигает её ещё дальше на север. Мы считаем, что сверяние работ дыни не вылезла южана!»

Иван Петрович любозно поведолю даяно перед собой и снова заговорил о Зубове:
 — По всем правилам ему бы следовало быть в аспирантуру, но по секрету говоря, я его немного удержалась, мало мне, хоть и конечно, черт его, как преподавателя. А диссертацию у Лишь уже готова, вот она — она — провила ладно по шершовой поверхности горючести.

С. ЯКОВЛЕВ, О. ВАСИЛЬЕВ Мичуринск.

ПЕРВАЯ ПЕСНЯ

ИЗ РАССКАЗОВ, ПОСТУПИВШИХ НА КОНКУРС ЖУРНАЛА «СМЕНА»

Человек ехал степью на полупутих машинах. Весь день над головами стояло выцветшее от жары пыльное небо. Только у края степи возмалась разрозненная зияющая мутносырая облака. Там лежала на земле прохладная тень.

Уже за полдень встретился первый полупуть. Он стоял на дороге, вышитою выставив впереди себе портфель, никелевый замочек которого метал в глаза шоферу пучки лучей. Полуторка съехала к обочине, хвост пыли, дотряг, накрыл её. Словоз пыля было видно, как перевалился в кузов портфель, запылила над бортом белая полуэвонная фуражка, — видимо, человек пытался вскопичить на колесо, — потом ногой перенеслась через борт, и полупуть оказался в машине. Он одобрю на животе парусиновую, тоже полуэвонного покроя китель, постуцал по верку кабины: «Тройгай, маймай!» — и тут же сел от толчка. Опять в кузове с грохотом запылила запасный скат, от борта к борту покатились жестыный бидон.

Полупуть вытер платком амуру глянцевитую голову, налил-туже шею и значительно поднял брови:

— На-а, я вам доажу...

Затем быстро подав вспотевшую ладонь:

— Брыкин.

И, обведя рукой, из которой ветер старался вырвать платок, широкий полукруг над степью, пояснил ищераывающе:

— По заготовкам.

Собеседник тоже назвал свое фамилие: «Кругогоров» — и, так как был молад и больше привык, чтобы его звали по имени, тут же добавил:

— Николай.

— Кругогоров, Кругогоров? — морщца лоб, несколько раз повторил Брыкин, но ничего не припомнил.

Николай помот едой, сдвинул убабунышки:

— Не здешний. Асе приеха, скажет. Камат передеаывать.

— К нам? — с жизнью спросил Брыкин, имея в виду свой район.

— К вам, — подтвердил Николай, имея в виду вообще степь.

— Асе... На-а... Острый ли вопрос, знаете ли. До чрезвычайности острый, — повторил он и глянул на Николая вопро-сительно, но вдруг вскопич, натягивая фуражку, заступал по кабине.

— Дорогой что к вам дорогой, а? Так ведь и просеять можно! Высушувшись в дверцу, положив голый локоть на руаль, шофёр добродушно уямбас.

Наше дело шофёрское, хоть до Астрахани вези.

Ветер стоймя погнала всаед широко стелю пыля; нескоро за этой стелю показалась полая спина в парусиновом ките-ле, потом и весь Брыкин, на ходу бодро помахивавший портфелем.

— Андрей Степаныч! — подмигнув в его сторону, сказал шофёр тоном, каким говорят о людях беспокойных и чудачковатых.

В тачках на босу ногу, в майке, с лоснящимися затертыми плечами, он обшыл машину вокруг, пробую распахивать скаты, и, покачав головой, стал черпать воду в колоде. Ведро, опускаясь, бесконечно долго стужалось о сруб, наверх шло запорошину с песком.

Пока в радиатор долавали воду, к колесцу подъехала серый от пыля «Москвич». Из него вылез председатель колхоза, с такой большой и грузный, что даже непонятно было, где он там помещался, в этой крошечной машине. Он кизнуа головой шоферу:

— Здоров, здоров! Вот закрума что-то мой конь. Ты погляди с Костей, чтоб до двора нам дожить.

Шоферы посовоивались и дружно сугули колхоза под капот «Москвича», а председатель колхоза, крикнув, сел рядом с Николаем на трюбек киваны, закрума, опасно преча папирскую в ладонях, чтобы ветер не вымол огонь. Руки председатели по локоть были в саже, рубашка, пахнувшая дымом, в нескольких местах прожжена. Только что горел омет прошлагодней соломки паровоз обринуа искру, — оттуда-то и ехала сейчас председатель колхоза.

— Степь, — сказал он, как бы объясняя этии всё.

И только теперь Николай заметил, что в разных направлениях клубится пыля. Это возвращалась с пожара машины и конные.

Степь на многие километры вокруг была оповещена о случившемся.

Узнав, дал его приеха Николай, председатель колхоза одобрительно кивнул:

— Очень замечательное дело, серьёзное, однако. Дерево, пока молодое, оно воду добыть не умеет, оно пить просит. Тут его даже хлеб может забыть, а сорник, раз ему прихотит копец, тот вовсе стаа отчаянный. Тут борьба за воду.

Председатель колхоза вдруг уямбнулся, сдвинуа фуражку с затылка на газла.

— Вот случай я вам скажу. Это километров двадцать пять отсюда, совхоз есть «Красный Октябрь». Ну, август месяц, стуж, конечно. И вдруг водопровод стаа. Какая причина, непонятно. Водопроводчиков позвала — тот же результат. В общем решили вскрыть траншею. И что ж бы, вы думали, оказалось? Ржавчина такую вот дырочку проела в трубе. — Председатель колхоза сорвала травинку, показала её. — Так дерево — росла как раз рядом — пустило туда корни. Под землей, впопущу. Корень этот разросся, сплелся в клубок и забил трубу наглухо. Все остальные деревья посушли — в ладонях лист крошится, а это стоит себе зелёное. А целый совхоз без воды! Пожалуй, в других местах такое не услышите.

— И он опять повторил это ёмкое слово:

— Степь!

Разжегались, они вместе напихали из ведра, остатки шофёр вылез себе на голову, довольно трякнуа мокрыми волосами и полез в кабину.

Под вечер, точно на море из-за горизонта, стаа подыматься из хлабов крыши и топоя хутора. В той стороне остывала степной закят, окна домоя смотрели на него крайними стёклами, а над вербами кричали грачи. И днём в хуторах топоялись около школ одинокие помолы. Иссечёнными ветрами, старье, со шрамами и наростами на коре, похожими на затрубебале мозоли, они стаали одиноко и скучно, не укрывая своей тенью молодой подлесок. Это было не кубанская, не докская даже — суховянная замаяская степь, где в полдень земля расклевается до шестидесяти градусулов. На такой сквородне не живёт и сусяки. И вдруг — обычный хуторю, но весь уютонущий в садках, а за хуторюм — невысокий, редкий, а всё же лес. Николай даже на пылочки привстаа, вглядываясь из-за кабины. Меальнула дощечка на столбе. Совсем не степное название у хуторю: «Зелёные дворики». Николай сошёл с машины, невольно переступая отыканными за день от прочной земляи ногами. Собственно, ни в одном из этих домов его не ждали. Поставить бы чемадан и расперстнуть аюлей про этот лес. Николай ещё раздумывала, в которой из домов постучать, когда в крайнем, где двинуа дымывала крыльцо, вдруг распахнулись створки окна, и со стаканом в левой и с кринкой в правой руке высуслился Брыкин.

— Даша! Вот же, вот он! — торжествующе закрычав заготовками, указывая кринкой на Николая.

Девушка быстро разогнувшись, наморщив прилпнушую к спине левую кофточку, глянула на Николая большими синими глазами, обрадованными и словно ещё не зрящими.

— Ну, молодой человек, мне за вас ваетеа, — говорила тем временем заготовитель. — Как я мог увидеть живого ассово-та и не доставить ордена заслуженно! Всё заготовивала на своём веку, но ассово-дов, — сознание, неопытен.

Он опять значительно поднял брови и стаа наивать из кринки в стакан молоко, розовое от закатыного солнца.

Даша сказала растерянно:

— Вы садитесь...

Николай посометр себе под ноги на дорогу, стараясь не уямбнуть, поглабогдарила:

— Спасибо.

Тогда Даша рассмеялась, махнула на него рукой:

— Идите в дом. Я вот доажу только, — и постелала под ноги на порожек моющую тряпку.

Горячий от степного солнца, прилпнувший поальною, Николай вошёл и остановился у порога. В конитках под, наматывая с песком, как желток, посыпан свежей травой. Он остро позавидоваа

Рисунок П. Пинкисевича

Даше, которая тут же пробежала по этим ещё не высохшим по-
доскам босиком.

— Ах, хорошо холодненькое молоко в такую жарину! — при-
ветствовал его Брыкин, держа руками борта кителя и обмахиваясь ими, точно открывая и закрывая двери шкафа.

— Одно не пойму, — сказала Николая, ища глазами, куда бы
поставить чемодан, — вы ж на подороге съезди. Как вы впереди
меня оказались?

— Э-э, дорогой, степь велика, машин много. Торопились. Да
ты садись, поешь.

— Но есть лесоводу не хотелось.

— Умыться бы, — сказала Николая, и Даша схватила ведро. Ко-
нечно, он не позволял ей нести самой. Так, вдвоём, неся пустое
ведро, они и дошли до колодца.

Уже погасла заря, но на небе ещё не заглажи звёзды. Нико-
лай взглянул в сырую тьмоту колодезного сруба и там, в неда-
леко поблескивающей воде, рядом с тенью от своих павч, уви-
дел первую зеленоватую мерцающую звезду.

— У вас раньше колодцы были губокие? — спросила он.

— А я знаю, почему вы спрашиваете! — обрадовалась Даша. —
Это корни деревьев, как нарост, подняли воду наверх. Да?

Он, видимо, представлялся ей очень учёным лесоводом.

Они обошли с Дашей сначала сад. Но до леса было два шага,
и они пошли смотреть лес. Даша знала здесь каждое дерево.
Кабын сажали в тот год, когда она только пошла в школу, се-
годня корни деревьев, как нарост, подняли воду наверх. Да?
Он, видимо, представлялся ей очень учёным лесоводом.

— А ведь они только сорокового года рождения, — похвалялась
Даша с наивной гордостью. — Им даже, знаете, многие по четыр-
надцать лет давят.

Николай вкряк в лесном краю. Там, в зелёной затенённой воде
озёр, где-нибудь у коряги непременно тёмнеют спины дремлю-
щих рыб; редко которая из них поведёт широким плавником.
А над водой, держа берег корнями, стоят высокие сосны. Выб-
рётся белка на такую сосну, глянец на вершину — шапка ва-
ляется.

Конечно, этот лесок, насквозь просвеченный солнцем, ещё
только условно можно назвать лесом. Здесь на счёту каждое до-
дерево, но каждое вызывает уважение. Великим трудом они вы-
ращены, человеческими руками...

Николай, сопереживая, отчего лицо его со стороны казалось
улыбающимся, смотрел в степь, где ветер крутил пыль над пла-
хом. Смущённая его молчаливостью и тем, что так быстро кончился
лес, Даша сказала:

— Ну, вот и всё. А лесопосаду без меня сажали: я на курсах
была. Пойдёмте домой.

Впервые она посмотрела на свой лес глазами постороннего че-
ловека от этого он показался ей и меньше и реже: каждое до-
дерево — спиртынка.

Возвращался молча. У Николая было невольное чувство, словно
он только что, сам того не желая, обидел Дашу. Чтобы как-то
разрядить невольность, сказал:

— Берите, Даша, и сегодня подступи объехала и, честное слово,
такого леса не видала.

Даша промолчала. Смешно, когда человек говорит, что за день
объехала полстепи, как будто степь — это только дорога.

— Вы вот скажите лучше правда, что есть дубы по семьсот
лет? Вы сами видели? — спросила она.

— Один случается видеть: семьсот сорок с чем-то лет ему
было.

— Семьсот сорок! — даже испугалась Даша. — Так это почти,
как Москва, столько же!

Она долго шла задумавшись. Но у крыльца, где рос белолист,
сказала:

— А у нас в хуторе вот он — самый старый. Его дед посадил,
когда у него сын родился, то есть, ну, мой отец, конечно. А вот
эти скобы ржавые — они уж сейчас совсем в степь асрал —
отец вёла и асрал по ним на самую вершину с бинокулом, когда
белые казаки к нашему хутору подходили.

Дома их ждало чуть ли не всё дашино зveno. Пришла и дашин
отец, что был в одних годах с росками у крыльца белолистом, —
весь светлый, совершенно седой, с аутчками морщины у глаз.
Отогнал коричневый адонью дым от себя, спросил заготовителя,
как бы здоровался:

— А ты всё едшии, Андрей Степаныч, заготовиваешь, что
на земе растёт?

Брыкин явистул на себя важность, прокишалася:

— Сам знаешь, Егор Константиныч, сам должен знить.

— Ну да, ну да, — охотно поддакнул Егор Константинович. —

Должность... Мои старшие тоже все на должности. А у нас с
дочкой, с девчатами вот дело тихое — прутки сажаем. Пусть
растут. Проезжие люди одобряют, говорят, которыми уже быков
попозить можно.

— Ты есть, это как же? — намуринился, спросила Брыкин
столь грозно, что уснувшая было копка сорвалась с печи и ры-
жей молнией метнулась под кровать. — Пресекай надо!

— Пресекаем, — глядя на него ласковыми глазами, вздохнула
Егор Константинович. — Каждый раз пресекаем.

Николай улыбнулся про себя: умные у старика глаза! Вы-
светленные временем и степным солнцем, они смотрят на людей
по-иному, с тихой ласковостью — всё видит. Николаю полу-
малось: если подняться по тем ржавым скобам на белолист да

ещё бить столько же, чтобы достигнуть вершины, — увидишь, как от леса перемазала через гребень и течёт зелёной рекой поскла молодых дубков. Белоалст в центре этой лесной посклы, разреженной сухую степь на юг и север. Когда ветер воросит на нём алкству, заворачивает сметлой кизилкой, белоалст кажется седым и старым. Хорошая у него старость! Ему не пришлось одиноко дожидать в голой степи. Рядом с ним молодой лес, и в жаркий день старик укрывает его своей тенью...

Даша вдруг сказала, нахмурилась, с упрямством в глазах:

— Ещё ничего неизвестно. Намшему Аесу ещё и двенадцати нет, а те дубы, что по степь-от лет живут, тоже когда-то были пришедшими...

Но подруга её, самая рослая из девчат, смуглым лицом покажая на цыганочку, иворовисто тряхнула головой серны в её ушах потом долго не могли успокоиться — всё взблескивали, попадая на свет.

— Как раз! Приехала в наш знаменитый лес соловей, да что-то не захотел жить в степи. Всей птицы в куроре — то грация краждый вечер на ветлах кричат.

И она с озорным лицом принялась рассматривать своих стекальные бусы.

— А ведь, правда, девочки, почему он не захотел жить? — удивилась тихая, с виду неприметная девушка. — Мы ему ещё сирень посадили.

Ей никто не ответил. Вскоре девчата собрались домой, но в саду, не сговариваясь, остаётся посидеть. Уже высоко над топами стояла луна, дома вдаль уаццы казались свежесыбелеными, а где-то в ночной степи протяжно пережались паровозы. Земля, весь день тоскованная о прохладе, наконец-то отдыхла от зноя, каждая травинка на ней ждала росы. То и дело темнота коротко мигала: это немо вспыхивали зарницы в степи; становило лицо на миг становилось белым, а большие серьёзные глаза — совершенно чёрными.

В саду сладковато, чуть грустно пахло отцветшей акации, влажными ахтиями серны, а из низинки наносило едва уловимый запах грибов. Земля пригитивала. Хотелось лечь на спину и смотреть, как, залутовавшись в чёрной алстре, дрожат круглые звёзды. Даже не верилось, что рядом степь, душный воздух, пахнувшие пылью травы. Но стоило Николаю чиркнуть спичкой, прикуривая, как из темноты чей-то голос сейчас же предупредил:

— Эй, курды, сухое кругом всё, поосторожнее бы надо!
— У нас с этим строго, — сказала Даша, сорген его уаьбой, а Николай подумал в этот момент о том, что Белоарковский район, в который он назначен работать, оказывается, ведь рядом, — это хорошо, что рядом.

Разговаривали неторопо, не нарушая тишины вечера, и было слышно, как за садом перебирают лады гармони. Чей-то голос потом пропал, точно вздохнул губкою.

Ты играй, гармонь моя,
Игоря тихая зарь...

— Это Ленка, — догадалась Даша. — Девочки, надо её позвать. Она уже хотела крикнуть, но вслушалась. Лицо её постепенно приняло выражение испуганное:

Он, девчонки!

И тут вдруг все оно услышала, а скорее поняла, что рядом, в кустах сирени, соловей. Там певучие выскесты смонялись заближающимися придибливанием. И замолкала. Соловей точно зывывала кого-то. И вскоре слабый, ещё неуверенный голос, в котором Николай сразу узнал молодого соловья, спросил поспешно:

— Так, так?

— Нет, нет! — строго отказывая старый соловей и, выждав, как бы приглашая вслушаться, пустил заинтересую трель. В ответ пристыжено промолчала. Он повторил ещё, на этот раз более боуательно. И тогда молодой соловей застенчиво, видимо, заране уверившись, что у него не поучатся, опять попробовал что-то робкое и тут же спросил:

— Так, так?

— Нет, нет! — ответил старый уже недоволено, поражаясь тькой бестовковости. Теперь стихло надооо. Николай не заметил, как рядом оказалась гармонист. Он стоял, неудобно вытанув шеей и приподняв одну бровь, а рядом с ним стояла та самая Лена, положив руку на меха, боись, что он вдруг затрясет. Девчата начали уже расторопно переагидываться: неужели уае-теа? — но тут вслед за раскатом соловей пустил такую трель, что на середине её у Николая перескочо во рту. В какое-то мгновоение он увидал, как рядом сверкнула два жёлтых глаза и, не вынимая ала из травы, кошка скольнула к кустам. Он успел схватить её и продолжал слушать, губкою погрузив пальцы в тёплую шерсть.

Где-то в вышине оборвалась трель. Николай перевёл дышание. Даша первая заметила у него в руке кошку.

— Зачем вы её держите?

Николай поднял кошку к алицу, шутовско погрозна её пальцем: — Она знает.

У кошки вид был самый безобидный. Она замурамыкала. — Вот признаться только не хочет. А дело простое: когда соловей поёт, то ничего, кроме своей песни, не слышит. Вот тут-то кошки и начинают хватать их. Подкармливать, пока тот поёт, и цаплет.

— Ах, мерзавка! — изумилась Даша. — Нет, но откуда она всё это знает? Ведь она же степная кошка.

И, отпавив в наивидине, Даша тут же унесла её в дом. Дверь ально заперла на засов, но ещё долго отаждывалась, подозрительно посматривая на окна. А в кустах сирени соловьи теперь пеали в два голоса. Потом старый умолок, а молодой всё пел и пел свою первую здесь, в степи, в молодом лесу, пришедшую к нему лесную.

Игорь КОУБЗЕВ

Ботаник

Лаборатория.
Влоск стекла.
На полке лад золочёный.
Журналы наваасы вдаль тоаа.
К микроскопу привик учёный...
В науке сам не придет успех.
Ей надо служить.
Годами.
Вот что рассказывала мне о себе
Однй пожлой ботаник:

— ...Бывает в Крыму,
Уже ранней весной
Заплещут с гор водопадаи,
И слышно начнёт золотой иглой
Зелёные шить вередяи.
Дерева приствольный примут вид,
Букеты ветвей раскинут,
Вдруг ночью мороз
(Когда Крым весь спит),
Подкраившись, ударит в спину!
Кого не охватит чувство тоски,
Когда увидишь глазами,
Как с поросков извьезь летят лепестки,
Не успеешь стая плодами!

Он даго работа.
Он вывел любет
Позднотетупего сорта.
Но снова, чуть в марте растала снег,

Доверчивый переск рсцёл фаньпе
всех —
И всё поаеало к чёрту!

Он должен опеть
Отбярать семена,
Растить, закалять побегя.
А годы пройдут,
Текут времена,
Как в море увлосет реки.
Смотри,
Как медленно стебель растёт,
Как даго не плодотосит!
Упрямый ботаник настоячно ждёт
И лето, и зиму, и осень.
Природа в привычках своих твёрда.
Чтоб вырвать законы роста,
Он должен ей душу отдать и года,
Иначе всё было бы просто...

Уж тёплыми кудри покрывался снегом,
Но он не грустит от зтои:
Не зря ж и Мигурина
Стариком
Рисуют на всех портретах.

Зато мальчишка с вихром золотым,
Что спит сегодня в Артеке,
Ещё молодым —
Совсем молодым! —
Увидит здесь перенковские сады
И вспеть токущие реки.

На станции.

И. Глазунов
Московский художественный институт имени В. И. Сурикова.

На выставке подарков Иосифу Виссарионовичу Сталину экспонируется букет полевых цветов, искусно вырезанный из дерева. Это первая работа молодого резчика по дереву комсомольца Петра Чувелёва. На снимке: П. Чувелёв за окончательной отделкой нового букета садовых цветов.

Фото Н. Волкова

Считать первоочередными работами строительство оросительных и обводнительных систем на базе использования электроэнергии Куйбышевской гидроэлектростанции и в зоне Волго-Донского судосудного канала имени В. И. Ленина.

(Делегатом XIX съезда партии по вопросу пятилетнего плана развития СССР на 1951—1955 годы).

А. КОЛОСОВ

ПРЕОБРАЖЕННАЯ ЗЕМЛЯ

В Приморской степи широко раскинулось Весёловское море. От него идут два канала, от небосклона до небосклона лежат кружева оросительной, выводящих и поливных борозд. Пашню стелются поля сортовых пшениц, рисовые, хлопковые плантации. Любят, журчат воды, хлопчат подпальнички, от участка к участку, с одного поля на другое идут экскурсанты из ближних и дальних станиц. Вудушей весной и на их полях прудят земноводные воды, — стало быть, надо поучиться мастерству полнава.

Как всегда в эту пору, в колхозы приехали на короткое время дорогие земляки — студенты, студентки ростовских, новочеркасских вузов и техникумов; по дороге в Крым и на Кавказ останавливались в родных хуторах два брата — инженер и молодой врач. Каждое утро они приходят сюда, на эту преобразённую землю, и вместе с экскурсантами идут с участка на участок, выикая в мастерство подпальничков и изучаясь и радуясь сказочной силе плородоразия.

А сегодня сюда приехал и Яков Иванович Магалазов, человек редкостного долголетия: недавно ему пошёл сто пятидесятый год. И — подумать! — вплоть до прошлой зимы он работал в колхозе имени Шериника ночным сторожем и с неохотой оставил эту должность.

— Без работы скучаю, да ничего не сделаешь: уж больно плохо стал слышать.

Сейчас, приехав на поля орошения, он сразу же попросил показать ему рис:

— Пока не увижу, не поверю.

И долго стоял у плантации, потом хотел войти в рисовые гущины, но нельзя: под зелеными стоит вода.

— Сколько же, — спросил, — возьмёте с гектара?

Ему сказали:

— Не меньше трёхсот пудов.

— Риса?

— Да.

И снова стоял, подслеповато шурясь, припоминая что-то. Припомнил, сказал:

— А раньше знаете, как это место называлось?

Никто не знал.

— «Мёртовщина», — произнёс дед. — Вот сюда вёрст на десять и сюда вёрст на десять — всё это «Мёртовщина». В старое время тут стояли три хутора... переселены жили из Казульской губернии и ещё... уже забыл, из какой... так они тут почти все себе могли нашить. Потому и «Мёртовщина».

Вяра Ситнова, студентка-первокурсница, сказала:

— Это, кажется, было в холерный год?

Дед не расслышал. Ему прокричали в ухо:

— В холерный год было?

— Чего болтать-то! когда не знаешь! — сердито отозвался дед. — «В холерный год!» Холера до нас и не дошла. Это вот где холера бы-

— Не может быть, чтобы сто четырнадцать лет. На вид ему самое большое — восемьдесят.

— Сто четырнадцать, — твёрдо проговорил председатель. — Метрика есть: сто четырнадцать. Он же хорошо помнит крепостное право.

А глумутовому делу подумалось, что оба говорят о холерном годе, о том, что именно от холеры погибли хуторяне и что, стало быть, оба не верат ему. И он уже совсем сердито сказал:

— Чего болтать-то! В тот год и у нас хутора померли. И мать моя и два брата с голодухи померли. Ведь вот оно как было-то...

Родом дед из привольской деревни, переселился сюда лет восемьдесят назад, и его волжская речь принудило уснащена донскими «ить», «кубыть», «ажник», «слушали», «рожа», так что безнадёжное дело — передать его рассказ так, как он прозвучал.

Но до зрелища живо возникали перед слушателями картины за картиной, одна другой горестней, — картины былой крестьянской нищеты, постоянного голода, стужи, мрака и совершенного бессилия перед степными стихиями...

— Из-под Калуги приехали сюда переселенцы, построили пашаны, вырыли землянки и стали пахать степь. А земля была «слажкая», неприхотливая трудная.

Пахали на «курноках», то есть на самую малую глубину. Но в земле ещё держалась весенняя влага, и овсы и пшеница взойшли хорошо. Людям уже мерещились тяжёлые скирды, белые хатки со скотными дворами позади...

Однако что-то уж чересчур сильно жажёт солнце и с каждым днём всё яростней. До удивления быстро искали речные воды, и только в вымоинах, обросших камышами, держалась тёплая жижица. В те дни новожилы только тем и спасались, что в верстах шести от хуторных наших древний колодезь, пили сами и поили скотину.

Зной усиливался. В вышестем небе по пятнадцати часов пылало солнце — ни облачка, ни ветерка. Неделя, полторы — и хлеба стали инкууть.

А как-то под вечер в степь завихрело, порывисто задул ветер, ичалось, занвис и снова поднимались высоченные столбы пыли. Воздух всё густел, темнел, мутнобагровые разливы захата еле пробивались сквозь мглу. Не понять было, откуда итер несёт столько земли, солонцовую, каштановую пылю, потому что на сотни вёрст ещё густо стояли ковыли, полинные заросли. Люди задыхались.

В. ГУРЬЯН

Вода

Веками от зноя земля изымала,
Веками молила небо:

— Спасай!

И слёзы текли по морщинам Чаткала,
Горькие слёзы — река Кассан-Сай.

Дехкане,
от гибели хлопок спасая,
Потом своим орошали поля.

Но не могла принести урожая
Испыленная зноём земля...

Пошли, как на бой, и берегам
Кассан-Сая

Неутомимые большевики.
Пошли, кетмянами на солнце сверкая,
С именем Сталина,

слово в штыки,
И дробь перфораторов зазвучала,
И выросла возле отрогов Чаткала

Железобетонная пиала
До края полна истопленная чаша
Живительной влагой для знойных

степей.

— Земля!
За Советскую Родину нашу,
За счастье народа,

за Сталина
пей!

г. Ленинград

ла — за Новочеркасском. А до нас, слава богу, не дошла.

Были тут ещё гидротехник из Ростова и председатель Позднеевского сельсовета. Усомнились гидротехники:

К ИЗОБИТИЮ

БЕСЕДА

С АКАДЕМИКОМ Н. В. ЦИЦИНЫМ

Советские люди неустанно преобразуют природу своей великой страны. Творческий труд свободного народа смело делает самую древнюю мечту жителя, прекрасной действительностью.

Вместе со всем народом советские учёные активно участвуют в преобразовании природы нашей Родины. Без этого было бы немислимо решение грандиозных задач, поставленных перед страной новой пятилетним планом. С чувством законной гордости мы видим, как волею нашего народа, волею Коммунистической партии в засушливые степи по каналам приходит вода. Появляются огромные водохранилища и новые моря; на величайших реках вырастают гигантские плотины и самые мощные в мире гидроэлектростанции; в лесах, созданных руками человека, разводятся новые породы рыбы, а в лесах — ценные новые звери; против губительных суховеёв встают лесные заслоны.

Ни одна страна в мире, как в прошлом, так и в настоящем, не могла бы так уверенно и в таких незначительных масштабах планировать и выполнять задачи, стоящие ныне перед многообразными отраслями нашего народного хозяйства.

Забвота о благе советского человека — высшего закон Коммунистической партии. Обирав продовольствия для населения и сырьё для промышленности в новой пятилетке будет новым явным доказательством великой жизненной силы социализма. Весь мир всё раз будет сменить социализм социалистического хозяйства перед капиталистическим.

Ответственная роль в выполнении нового пятилетнего плана принадлежит советским учёным. Советской науке, в том числе сельскохозяйственной и биологической, заблаговременно вырабатываемой корифеям науки — товарищам И. В. Сталиным, предстоит решать важнейшие вопросы развития народного хозяйства. Наши учёные-биологи, работающие рука об руку с практиками сельскохозяйственного производства, отдадут все свои силы и знания для успешного выполнения и перевыполнения нового пятилетнего плана.

С каждым годом изменяется сельское хозяйство, повышаются урожаи, механизмируются трудящиеся работы.

Советский Союз уже догнал и перешёл капиталистические страны по оснащению сельского хозяйства совершенными машинами. Сейчас на просторах колхозных полей работает огромное количество самоходных и прицепных комбайнов, убирающих зерно. Советские конструкторы создали оригинальный силосный и новый трёхрядный севалкочерочный комбайны. На колхозных полях появились машины, благодаря которым можно механизировать трудящиеся процессы по посеву и уборке картофеля. Опыт показывает, что применение этих машин позволяет сократить затраты труда по возделыванию картофеля в несколько раз.

В новой пятилетке наше сельское хозяйство получит новые машины, механизмирующие трудящиеся процессы и облегчающие труд колхозника. Для применения химических средств в борьбе с вредителями и болезнями сельскохозяйственных растений, а также с сорняками в более широких масштабах будет использована авиация.

Всё большее и большее значение в механизации сельскохозяйственного производства приобретает основной вид энергии — электр-

Ветвистая пшеница под защитой лесных полос на Богдинской опытной станции.

Фото В. Егдзинской

чество. Уже сейчас оно используется в сельском хозяйстве в таких размерах, каких не знала ещё история. Электричество приводит в движение тракторы, молотилки, сортировки и много других разнообразных машин. При помощи электричества доят коровы, стригут овец. Во многих колхозах и совхозах животноводческие помещения сейчас напоминают высоко-механизированные цеха фабрик и заводов. Этот выгодный и удобный вид энергии в новой пятилетке получит дальнейшее и всестороннее применение в сельскохозяйственном производстве.

Важнейшая сельскохозяйственная культура — пшеница — с каждым годом завоевывает всё новые области распространения. Теперь значительно больше сеют пшеницы в республиках Закавказья и Прибалтики, а также во многих областях нечернозёмной полосы. Решительные посевы наиболее ценных сортов твёрдых пшениц в районах Юго-Востока, Урала и Казахстана. В новые районы продвигаются также рис, хлопчатник, плодовые деревья.

В новом пятилетии производство зерна намечается увеличить в таких размерах, каких ещё не знала ни одна страна. Уже сейчас СССР прочно занимает первое место по производству пшеницы, оставив позади Соединённые Штаты Америки, Аргентину и Канаду.

Немаловажное значение в повышении урожайности имеет также выведение новых, более урожайных сортов сельскохозяйственных культур и быстрое внедрение их. Только за послевоенные годы советскими учёными и практиками сельского хозяйства выведено и передано в производство 290 новых сортов, среди которых около 60 — пшеницы.

Отрадно сознавать, что в этом большом деле есть и наша скромная доля участия. За последние годы мною и моими помощниками по работе создан ряд сортов озимых и яровых урожайных пшенично-яровых гибридов. Они уже высеваются в колхозах и совхозах на десятках тысяч гектаров. Новые сорта более подходят для условий высокой агротехники, чем старые.

По нашим гибридам десятки колхозов Московской и других областей и республик Советского Союза получили урожаи в 150—200 и более пудов с гектара, а в колхозе имени Н. С. Хрущёва, Можайского района, Московской области, собрали в этом году по

Главной задачей в области сельского хозяйства и впрямь остаётся повышение урожайности всех сельскохозяйственных культур, дальнейшее увеличение общественного поголовья скота при одновременном значительном росте его продуктивности, увеличение валовой и товарной продукции земледелия и животноводства путём дальнейшего укрепления и развития общественного хозяйства колхозов, улучшения работы совхозов и МТС на основе внедрения передовой техники и агрокультуры в сельском хозяйстве.

(Легенда XIX съезда партии по плану пятилетнего плана развития СССР на 1951—1955 годы.)

50,8 центнера зерна с гектара. На опытных посевах гибриды дают урожай ещё выше — до 70 и более центнеров с гектара.

Очень ценным свойством наших новых сортов является их устойчивость к полеганию. Достаточно сказать, что гибрид №1 ещё ни разу не полегал, даже при урожае в 60—70 центнеров с гектара.

В ходе выполнения пятого пятилетнего плана, безусловно, будут выведены ещё новые и новые приёмы посева урожая. Уже сейчас учёные и практик-новаторы широко применяют новые способы посева культурных растений: узкорядный и перекрёстный, подзятий и равномерный, квадратный и квадратно-гнездовой. Многие колхозы и совхозы научились получать за тёплый период с одного и того же участка по два и даже по три урожая, а образцовая постановка парникового и тепличного хозяйства позволяет получать урожай целого ряда культур круглый год, в том числе и в зимние месяцы. В дальнейшем учёные и практики антогонических сельскохозяйственных специальностей получат ещё большие возможности для своей творческой работы.

В заключение мне хочется остановиться ещё на одном немаловажном вопросе — на улучшении качества сельскохозяйственной продукции. Борьба за качество в сельском хозяйстве усиливается с каждым годом. Молоко, мясо, масло, сыр, хлеб, яблоки, ягоды, овощи, картофель и многое, многое другое могут и должны производиться в больших количествах и одновременно быть самыми вкусными, самыми лучшими по качеству. В колхозах и совхозах, так же как и на промышленных предприятиях, будут всё более и более дорожить чистотой и достоинством своей марки. Советские учёные, помогая решать важнейшие вопросы развития народного хозяйства, работа в содружестве с практиками, не должны забывать и о качестве сельскохозяйственной продукции.

Пятый пятилетний план Советского государства — план мирного хозяйственного и культурного строительства. Борьба за его выполнение и перевыполнение — долг каждого советского человека. Я уверен, что советская молодёжь найдёт в нём источник радости, вдохновенного труда.

Желаю ей в этом больших успехов.

У мыса Тахиа-Таш

Фото А. Мызникова

Пароход «Память Ильича» с грузами идёт в Тахиа-Таш.

Бульдозеристка Лидия Павленко. Эта девушка работает так хорошо, что её наградили Почётной грамотой ЦИ ВЛКСМ.

Сергей Князев — лучший работник строительства обводного канала. Две — три нормы — постоянный показатель его мастерства.

Бригадир комсомольско-молодёжной бригады наменщиков комсомолец Рамзан Таганов. Он участник строительства самого юного в мире города — Тахиа-Таша.

Старший прораб Александр Романов с помощью нивелира определяет высотные отметки дамбы в районе обводного соединительного канала.

Много писем, газет и журналов приходит каждый день в Тахта-Таш. Их аккуратно разносит почтальон немсомолец Феликс Цынберг.

Латышская писательница лауреат Сталинской премии Анна Саксе работает над новым романом — «Искры в ночи». Книга рассказывает о тивольской доле трудовой молодежи в буржуазной Латвии, о борьбе молодых латышей за лучшее будущее.

Писательница разоблачает буржуазную псевдоную, людемократию и предательство меньшевиков-синиортунистов.

Отрывок из романа Анны Саксе «Искры в ночь» публикуется в сокращенном виде.

Анна САКСЕ

ИСКРЫ В НОЧИ

Рисунок Г. Валацкова

Агнесса возлагала много надежд на то время, когда вместе с Вадисом пойдет встречать Гуаулиониса. Бродя по заснеженным лесным тропинкам, она замечталась, и ей казалось, что рядом с ней Вадис. Как самому близкому другу, она откровенно рассказывает ему о себе: почему она выросла такой идеалисткой и как она благодарна тем, кто помогает ей стать в ряды революционеров. Она смеётся над прежней Агнессой, вспоминает тот злополучный вечер, когда Вадис пришёл к ней. «И знаешь, почему я убежала тогда?» — спрашивает она и смеётся. — Потому что я ревновала тебя к Эрне», — признаётся она, и Вадис, улыбаясь, берёт её руки и говорит: «Нет, он ничего не говорит, но по прикосновению его жёсткой руки, по взгляду она угадывает его чувства».

Эта прогулка и разговор сто раз рисовались ей воображению. — покосере же наконец всё это произошло наяву. И вот она в дороге.

Полная зимняя луна заливала поля холодным, синеватым светом. Большие придорожные изы отбрасывали через канавы лопатые тени.

Агнессе хорошо было идти рядом с Вадисом. И когда он был так близко, Агнесса желала не рукопожатия, не поцелуя, а дружбы, чистой дружбы, какую Вадис незаслуженно дарил ей в Риге в самые мрачные минуты её жизни.

— Вот в такую ночь я стал революционером, — спокойно заговорил Вадис. — Прошло много лет, но эту ночь я помню. Тогда ты спрашивала бабушку. Еёка мне, конечно, очень доверялась. Но в эту ночь меня впервые повели на могилу отца. Это не была обычная могила: только венки с красными лентами, повешенный на сосну, говорил о том, что здесь погребён отец. Я уже умел читать и в свете полного месяца по складам прочёл на лентях: «Славь героям» и «Проклятые убийцам». На обратном пути бабушка мне рассказывала, как отец боролся в тысячу девятьсот первом году, как его застрелили бароны и жандармы. Уже в постели, засыпая, я сжал кулаки и прогрозил, сам не зная, кому: «Погодите, погодите, только вот вырасту большой, тогда я вам покажу!»

Он замолчал, потом заговорил снова, неторопливо, словно припоминая:

— Бабушка рассказывала, что такие венки на могилу отца класть запрещено. За это полицейские ловят и наказывают. Моя подпольная работа началась именно с возложения такого венка.

— Сколько тебе тогда было лет? — с улыбкой спросила Агнесса.

— О, и уже был взрослым человеком: я прожил восемь лет и два года из них уже работал, — усмехнулся Вадис.

— А тебе не страшно было идти мимо могил?

— И ещё как! Но не призраков я боялся, — рассказывал Вадис. — Я шёл не один: мне надо было узнать, нет ли поблизости полицейских. Сердце трепетало: уйдёшь или не уйдёшь. А первая удача много значила для будущего.

— Да, расстрелы шарём революционеров в пятом году наша буржуазия использовала в своих политических целях, — с горечью продолжал Вадис, немного помолчав. — Самого Ульманиса объявили борцом пятого года, в пострадавшим дали землю. Моему отцу поставили индустриальную палату. Всё это как будто было так красиво. Зато мою сестру-комсомолку в двадцатом году засадили в лесу и не разрешили хоронить на кладбище.

— На кладбище возложили бы венки с такими же надписями? — поняла Агнесса.

— Конечно. А там, в чаще, пожалуйста, возлагайте какие угодно венки, туда даже за годами или грибами никто не забредёт.

Он рассказал Агнессе о том, как ушёл в Ригу, как искал работу, о первом аресте и суде.

Агнесса любила каждое слово; вот каким был Вадис — уже с детства он загорелся большой мыслью, большой идеей. Самая жизнь сделала его таким, жизнь и люди. Если бы у Вадиса не было такой бабушки, такой старшей сестры и брата, он попал бы в школу, в которой его мозг непрестанно начинали бы мистической чепухой и непротипиваемым зау, и если бы у него не было друзей, которые сорвали с его глаз паутину, сотканную этими лгунами-учителями, разве история жизни Вадиса не могла бы оказаться совсем другой?

И опять почувствовался в Вадисе друга, она осмелилась заговорить о себе и задать терзающий её вопрос.

— Как ты думаешь, из нас, вот таких... прибайдуных, могут когда-нибудь получиться... настоящие люди? — она говорила медленно, подыскивая слова, и Вадиса долго не отвечая, видимо, обдумывая и взвешивая свои мысли.

— Странно ты говоришь, — начал он, — «приблудные». Ты думаешь, что революционеры — это какая-то особенная порода людей, не так ли? А все те, кому довелось вырасти в иных условиях, составляют другие касты? Нет, Агнесса, революционеры не рождаются с готовым мировоззрением.

Приблудные? — продолжал он в томном покое. — Приблудные — это те, которые приходят и снова уходят. Такие, как лют Агрис, как Эмил Аузин; когда жизнь отталкивает их в сторону, они как будто готовы протестовать. Но как только оказывается, что протест связан с неудобствами, даже опасностями, они спешно подыскивают себе более безопасную позицию. И для этого очень лодкоидит социалистическая партия. Ведь это рабочая партия. Прогрессивная как будто, на словах по крайней мере. Да к тому же ещё очень влиятельная. Вот и теперь у неё в сейме тридцать два депутата. В результате политических сделок это даёт известное количество тёплых местечек в банках и других учреждениях. Если на следующих выборах абсолютное большинство получит бы умыванисовский крестьянский союз или другая фашистская партия, такие Агрисы или Аузины, по моргугу глазом, переметнутся бы к ним. А когда в Латвии установит советскую власть, Агрис будет бить себя в грудь и каяться: «Мы её завоевали». Вот это приблудные. Они одинаково легко приходят и уходят — и снова приходят.

Всё это было понятно. Но Агнессу пролаждала мучить вопрос: как Владис и другие товарищи смотрят на неё? Она чувствовала себя такой виноватой в своём прошлом — так она теперь называла всё, что было до встречи и дружки с Владисом, Грундином и Эроной. Каким пустым казалось это прошлое.

Она уже чуть не задала вопрос: «А что ты думаешь обо мне?» — но вовремя спохватилась: нечего набиваться на похвалы! Надо самой вытравить в себе следы прошлого и учиться не меньше, а гораздо больше, чем до сих пор.

Но Владис, видимо, и сам понимал, что не ответа на вопрос Агнессе так, как она хотела, и кинула на неё робкий взгляд. — Надеюсь, — произнёс он, но тут же поправил себя, — я верю, что ты не приблудная. Я знаю тебя...

Он не закончил, и Агнесса так и не узнала, какой Владис её знает. Уже одно скучное «я верю» наполнило её сердце новыми силами...

Они пришли на станцию с опозданием и встретили Грундинонса уже на кладбище.

— Это, очевидно, совсем простая арифметика: расстояние, которое один проходит за час, двое идут два часа, — подтрунивал он над Агнессой и Владисом.

Грундинос начал расспрашивать о приготовлениях к собранию, о настроениях. Владис за эти дни многое узнавал. В пра-

вине профессора местных лесопромышленных рабочих пролет социал-демократ Ошин. Перед выборами он открыл ругань владельцев лесопилки и попал в правление, даже в председатели. Теперь профессор распался. Ошин работает на предприниматель, поэтому все левонастроенные рабочие уволены, а профессор отказался их защищать.

— На собрании у нас могут оказаться два противника — айсарги и социал-демократы, — предупредил Владис.

— В этом нет ничего нового, — Грундинос оставался невозмутимым оптимистом.

Агнесса до самого собрания не встречалась со своими друзьями. Так было отговорено — она должна изобразить такую же незаметную деревенскую депутку, какой она была раньше. На вечер они пришли вместе с врачом Эйкеном, как молодые люди, ищущие развлечения.

Агнессе её роль не нравилась. Хотя Грундинос объяснил, что игра эта нужна для пользы дела, чтобы Агнесса в будущем могла выполнять задания, не навлекая на себя подозрений охранки, ей всё-таки хотелось уже теперь стать настоящим бойцом.

Сегодня в старом доме Благоустроительного общества можно было увидеть совсем другие лица и другую одежду, чем в рождественский вечер, и настроение здесь было тоже совсем другое. Здесь были неуказанные, грубые, но сильные парни, в сапогах и домотканых куртках, и девушки с изуродованными тяжёлой работой фигурами. С их лиц ещё не сошёл летний загар, шершавые, мозолистые руки потрескались от мороза и сырости. Волостной полицейский, горделиво выпятив грудь, стоял перед сценой, туло и враждебно поглядывая на собравшихся.

— В полицию обычно идут люди с бычьей силой и бараньими мозгами, — сказала Эйкен. — Правда, им особого ума не надо. Они должны только уметь лупить кого поало.

— Почему вы так выискиваете опору государственной власти? — засмеялась Агнесса.

— Что же это за государство, которое держится на дубинках и нагайках? — горячился Эйкен. — Вот собрался рабочий да бедняк. У них свой вечер. Но почему полицейский смотрит на них так злобно, словно только и ждёт случая, чтобы избить кого-нибудь?

Не успели они закончить разговор, как ответственный распорядитель вечера объявил:

— Сегодня уездный начальник сообщил нам, что из программы вечера вычеркнуты стихи Леона Пагласа. Однако одно стихотворение, видимо, случайно оставили, и его прочтёт пятнадцатый Пауа Абса, мальчик, не вышедший ещё своего отца, который сидит в тюрьме — не за воровство и убийство, конечно.

Знавец поднялся, и на сцену вышел маленький бледный мальчуган с большими голубыми глазами и пепельными волосами.

— О мальчике, проснем мысленно! — звонок голосом объявил мальш.

Когда мальчик выразительно декламировал: «...Мне показало, смотря на меня безмерные страдания всех несчастных, сирот-стопан безбедных детей», — зал замер, только слышен был шелест носовых платков.

Агнесса казалась странной, что вечер проходит в обратном порядке: начинают с художественной части, а не как обычно с доклада. Для чего это делается, она поняла только после перерыва, когда слово дало лектору Грудонису.

Грудонис делал доклад о политической обстановке в Латвии и за границей.

— Рабочие должны быть начеку, — говорил он. — Против рабочих организаций охранка устраивает самые подлые провокации...

— Он говорит, как коммунист! — крикнул айзсарг Грисис. — Что ты говоришь, как чучело? Будешь ты заботиться о порядке? — Грисис нахмурился на полнейшего.

— Я запрещаю так говорить! Я закрываю собрание! — сказала полицейский, пошатнувшись с айзсаргом.

— На каком основании вы закрываете собрание? — спросил распорядитель вечера.

— На том основании, что вы ругаете существующий строй! — отрубил полицейский.

— И клеветаете на честных вождей рабочих! — добавил Опинь. Грудонис сказал насмешливо:

— Теперь у охранки новое руководство, и оно в провокационных делах очень сотрудничает с жандармами.

Если бы Агнесса потом нужно было рассказывать по порядку обо всем, что произошло, она непременно запуталась бы; после этих слов Грудониса в зале поднялся рёв и шум от топота ног и передвигаемых стульев: она инстинктивно схватила Эйкена за руку.

— Святая Мария! Айзсарги! — усмехаясь она чей-то крик. Потом радаясь выстрел и завышенная стёкла, а полицейский иступленно вопил:

— Разойдитесь! Разойдитесь! Агнесса искала глазами Грудониса и усаышала его голос:

— Товарищи, будьте хладнокровны!

Он не успел договорить. Одним прыжком полицейский очутился на сцене рядом с ним и ударил его рукояткой нагаив по голове. Агнесса увидела красную струйку крови, побежавшую по лицу Грудониса, и там же, на сцене, он упал.

— Вот тебе свобода слова и собраний в демократической республике! — Возгласил Эйкен решительно встал. — Если я ему не помогу, то парню навряд ли ещё когда-нибудь придётся выступать с докладом.

Врач проталкивался к сцене, и Агнесса следовала за ним, словно боясь остаться одна в возбуждённой толпе. Нет, в эту минуту минутой ей хотелось быть около своих друзей.

— Возьми его! — крикнул Айзсарг. — Если я ему не помогу, то парню навряд ли ещё когда-нибудь придётся выступать с докладом.

Врач проталкивался к сцене, и Агнесса следовала за ним, словно боясь остаться одна в возбуждённой толпе. Нет, в эту минуту минутой ей хотелось быть около своих друзей.

— Возьми его! — крикнул Айзсарг. — Если я ему не помогу, то парню навряд ли ещё когда-нибудь придётся выступать с докладом.

Врач проталкивался к сцене, и Агнесса следовала за ним, словно боясь остаться одна в возбуждённой толпе. Нет, в эту минуту минутой ей хотелось быть около своих друзей.

— Возьми его! — крикнул Айзсарг. — Если я ему не помогу, то парню навряд ли ещё когда-нибудь придётся выступать с докладом.

Врач проталкивался к сцене, и Агнесса следовала за ним, словно боясь остаться одна в возбуждённой толпе. Нет, в эту минуту минутой ей хотелось быть около своих друзей.

— Возьми его! — крикнул Айзсарг. — Если я ему не помогу, то парню навряд ли ещё когда-нибудь придётся выступать с докладом.

Врач проталкивался к сцене, и Агнесса следовала за ним, словно боясь остаться одна в возбуждённой толпе. Нет, в эту минуту минутой ей хотелось быть около своих друзей.

— Возьми его! — крикнул Айзсарг. — Если я ему не помогу, то парню навряд ли ещё когда-нибудь придётся выступать с докладом.

Врач проталкивался к сцене, и Агнесса следовала за ним, словно боясь остаться одна в возбуждённой толпе. Нет, в эту минуту минутой ей хотелось быть около своих друзей.

— Возьми его! — крикнул Айзсарг. — Если я ему не помогу, то парню навряд ли ещё когда-нибудь придётся выступать с докладом.

Врач проталкивался к сцене, и Агнесса следовала за ним, словно боясь остаться одна в возбуждённой толпе. Нет, в эту минуту минутой ей хотелось быть около своих друзей.

— Возьми его! — крикнул Айзсарг. — Если я ему не помогу, то парню навряд ли ещё когда-нибудь придётся выступать с докладом.

Врач проталкивался к сцене, и Агнесса следовала за ним, словно боясь остаться одна в возбуждённой толпе. Нет, в эту минуту минутой ей хотелось быть около своих друзей.

— Возьми его! — крикнул Айзсарг. — Если я ему не помогу, то парню навряд ли ещё когда-нибудь придётся выступать с докладом.

Врач проталкивался к сцене, и Агнесса следовала за ним, словно боясь остаться одна в возбуждённой толпе. Нет, в эту минуту минутой ей хотелось быть около своих друзей.

— Возьми его! — крикнул Айзсарг. — Если я ему не помогу, то парню навряд ли ещё когда-нибудь придётся выступать с докладом.

Врач проталкивался к сцене, и Агнесса следовала за ним, словно боясь остаться одна в возбуждённой толпе. Нет, в эту минуту минутой ей хотелось быть около своих друзей.

несса. Но она очутилась и отстранена друзей, пытаясь подняться. Агнесса заставила его лечь. Поворотившись к Агнессе, он добавил:

— А вы могли бы помочь мне перевязать рану.

На квартиру врача Грудонис пришёл в себя. Он с удивлением оглянулся вокруг и, увидев Агнессу, воскликнул:

— Как хорошо, Агнесса, что ты здесь!

Агнесса оставив свои инструменты, быстро оглянулась и, приставившись посмотреть на Агнессу, спросила:

— Вы знакомы?

— Уже давно, — подтвердил Агнесса.

— Вот как, — пробурчала Эйкен и продолжала работать; пинцет и ножницы громко позвизгивали, ударяясь о стенки сосуда.

Агнесса была приятно изумлена, как врач чёткими, быстрыми движениями брал Грудонису лицо, осматривал рану и резко заявил:

— Если не поднимется температура, сможете снова ехать агитировать.

— Вам такая агитация не нравится? — спросил Грудонис, улыбаясь.

— И врач и в политике не эмпезиваешь. Если бы случилось наоборот и вы стукнули полицейского, я бы теперь лагал его баранью кашку.

— Но у вас ведь могут быть симпатии к той или иной голове? — вышала Агнесса.

— Симпатии? Они у меня к третьей голове, — пробурчала Эйкен, но на кого не глядя.

Когда Грудониса перевязали и уложили, Агнесса собралась домой. Не сказав ни слова, Эйкен помог ей надеть пальто и проводил до порога подчёркнуто вежливо.

В ту ночь в рижском поезде было мало пассажиров. Грудонис растянулся на жесткой скамье и, подложив под голову портфель и шапку, уверял Агнессу, что ему очень удобно и хорошо.

— Видишь, Агнесса, что с нами бывает, — сказала он, поправляя на голове повязку. — Но в таких случаях надо быть довольным, что не получили хуже. Ты не жалеешь, что связалась с такими беспокойными людьми?

Агнесса качала головой.

— Теперь ты убедилаесь, что социал-демократы и айзсаргов объединяет ненависть к коммунистам? — опять заговорил Грудонис, вспоминая своё выступление.

— Но ты ведь зада социал-демократам сильнее, чем айзсаргам. Вначале я даже не знала, зачем ты это делаешь, — призналась Агнесса.

— А теперь понимаешь?

— Когда Опинь начал кричать и звать полицейского, тогда я поняла, какие они вредные.

— Вредные — это слишком мягко сказано! — вспыхнула Грудонис. — Если буржуазия — явный враг рабочих, то социал-демократы — такой же враг, только внутренний. Даже более опасный, потому что они приспосабливаются защитникам рабочих.

— Но почему рабочие не видят их настоящий облик? — вырвалось у Агнессы.

— Ах, Агнесса, ты и сама знаешь, что это совсем не так просто, — качала Грудонис головой. — Меншевикиво поддерживают буржуазия; она даёт им большие средства для агитации. Они ищут и день, отравляет сознание рабочих ядом реформизма, ругают Советскую Россию.

Агнесса видела, что Грудонис волнуется, и напомнила ему, что врач велел «сохранять душевное спокойствие».

Во мраке за окном промелькнули зрелые искры. Когда-то она в этой искре видела отблескистую красоту. А теперь она вспоминала слова Грудониса на собрании рабочих-студентов:

«Чем темнее ночь реакции, тем ярче сверкают искры в кузнице борцов рабочего класса».

Перевёл с литовского

Д. ГЛЕЗЕР

Теофилис ТИЛЬВИТИС

Большое гувство

Ушам навек тяжёлой жизни годы.

И, получив на счастье все права,

Республикой Отечества свободы

Ты стала, окаянная Литва.

Нас новой жизни радуют картины:

Под мирным сводом высей голубых,

Как победившей старости морщин,

Исчезли межи на полях твоих.

Привычки мы к обильным урожаям.

И, умножая силы день за днём,

Свободно дыши нами выращен,

И по-хозяйски судим обо всём.

Как реки к морю мчат через долины,

Так, необъятая, света и глубок,

Всех наших чувств и помыслов единый

В Московский Кремль к вождю летит поток.

И вижу я:

В работу погружённый

До зорьки Сталин не смыкает глаз,

Чтоб крепко счастье каждого из нас.

Перевёл с литовского

Я. КОЗЛОВСКИЙ

г. Вильнюс.

А. Пластов

Ужин трактористов.

Павел Андреевич Федотов родился в Москве 4 июля 1815 года в семье мелкого чиновника, бывшего участника военных походов екатеринских времён. «Большое наше семейство помещалось в небольшом домике, и жили мы очень бедно», — вспоминал о своём детстве Федотов. Жизнь в московском закуленье, постоянное общение с самыми разнохарактерными народом, с представителями разных сословий оставили неизгладимый след в памяти наблюдательного мальчика.

Вероятно, уже в раннем детстве проявлялось у Федотова увлечение искусством. Но, как писал сам художник:

Моя судьба, отец и мать.
Наивашия миршарова...

В 1826 году Федотов поступил в Московский кадетский корпус, а в 1833 блестяще, первым учеником окончил его. Видимо, желая находиться поближе к Академии художеств, Федотов переводится в Петербург офицером гвардейского Финляндского полка. Любимец товарищей и подчинённых, он с увлечением отдаётся рисованию, с тонкой наблюдательностью передавая сцену казарменной и лагерной жизни, зарисовывая портреты сослуживцев, уличные сценки, создавая остроумные характеристики на начальников. И характерно, что уже в ранних работах Федотова чувствуется его дарование будущего мастера жанровой живописи, видна его глубокая симпатия к рядовым солдатам, жестоко притесняемым высшими чинами. Эта демократическая направленность молодого художника с особой силой раскрывается в его сепях «В передней пристава накануне праздника», разоблачающей вычужденность «власть имущих», и «Болезнь и смерть Фидельки», остро высмеивающей капризы барыни-самодурки, которая перерождает всё вверх дном по случаю болезни и смерти любимой собачки. А несколько позже, точно предоступая трагический исход выбранного им направления в искусстве, Федотов создаёт глубоко драматичный рисунок «Старость художника», в котором изображает самого себя в обстановке страшной бедности и общественного изгнания.

Понимая, что серьёзные занятия искусством несовместимы с военной службой, Федотов показывает свои работы первому художнику России того времени — знаменитому Брюллову — и с трепетом ждёт его ответа на вопрос, стоит ли ему ради живописи оставлять военную карьеру.

«Не советую», — отвечал ему Брюллов, — вам двадцать пять лет, поздно приобретать механику, технику искусства, а без неё что же вы сделаете, будь у вас бездна воображения

Автопортрет П. А. Федотова.

П. А. ФЕДОТОВ

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ

и таланта. Но, посмотрев ещё раз на работы, добавил: «Но попытайтесь, пожалуй, чего не может твёрдая воля, постоянство, труд».

В 1844 году Федотов выходит в отставку, содержит на свои скудные средства старинную и сестёр, со страстью отдаётся любимому искусству.

«До нас ввердела доходили слухи о том, что им приступил к масляным краскам, работает утром, вечером и ночью, при лампах или при солнечном свете, в Академии или дома, — работает так, что даже смотреть страшно, не давая себе ни пощадки, ни отдохновения, ни отдыха», — вспоминает его друг и сослуживец.

Но самоотверженный труд в мастерской характеризует лишь одну сторону творчества Федотова. Более важной особенностью работы художника являлось его повседневное, неустанное наблюдение и изучение жизни.

«Моего труда в мастерской только десятая доля», — говорил он, — главная моя работа являлась и в чужих домах... Я учусь жизнью, я тружусь, глядя в оба глаза: мои сюжеты рисунки по городу, и я сам должен их отыскивать».

В результате упорного труда и вдумчивого изучения жизни всё больше зреет и совершенствуется огромное дарование Федотова. Вырабатывается его изумительно тонкий, красивый и лаконичный рисунок; удивительной живости и естественности достигают изображаемые им бытовые сценки; растёт его мастерство острой психологической характеристикой, умевшее одним — двумя штрихами показать истинную сущность человека. Больших успехов достигает Федотов и в технике масляной живописи, создавая ряд пребогатых мнивательных по размеру портретов, в том числе позитивный «Портрет Ждановича» (1849), справедливо отнесенный к числу лучших работ художника. И как итог всех завоеваний Федотова появляются его первые картины — «Свежий кавалер» (1846), «Разборчивая невеста» (1847), «Сватовство майора» (1848), — сразу же принесшие ему громкий, неслыханный успех, выдвинувшие его в число крупнейших мастеров русского искусства.

«Имя Павла Андреевича гремело по городу», — вспоминают современники. Целые толпы народа ожидали эту заду обычно густоходящую академическую выставку, где находилось произведение вчера ещё неизвестного художника. Ещё бы! Вместо умело написанных, но скучных, холодных академических полотен, давших от вопроса, волновавших передовые круги общества, появились вдруг мастерами: исполненные, правдивые и понятные всем картины, словно выхваченные из самой действительности.

«Сот «Свежий кавалер» — небольшая, тщательно написанная картина, изображающая чиновника наутро после попойки по случаю получения ордена. Едва проснувшись, боком, в халате, он уже горделиво подбоченясь перед служанкой, самодовольно показывая ей нацеленный прямо на халат орден. И тщетно служанка показывает чиновнику его единственные дрянные сапоги. Он уже поучствовал себя «стоилом общества»; в нём уже полностью раскрылась страшная в своём ничтожестве натура свирепого пошляка низших, работ начальства, бедующего халуги-квотничка. Опрокинутые стулья, валяющиеся на полу бутылки, виднеющийся под столом охмелевший приятель, клетка с кавалерской лежанкой на полу булавничной роман — всё это мешанина-пошляк, грязная обстановочка превосходно дополняет наше представление об изображённом художником «герое»».

«Не меньшая сила обличения «стённого паркета» чужестранца и корыстолюбивой расчётливости офицера заключена и в форме высокоатлантичного юмористического рассказа о сватовстве майора, надавшего шумный переполох в богатом, но беззастенчиво убранный квартире рыжебородого кучкины».

Совершенно прав был В. В. Стасов, писавший, что в этих двух картинах «Федотов дарит запросто такие глубокие восты, каких до него ещё никто не брал в русском искусстве», что а этих «выступают наш укасающийся чиновник тридцатых годов» и «ужасающей содафлон» — офицер тридцатых — сороковых годов: «разом целых две громадных боюнок старинной нашей России, выраженные в потрясающих, глубоких, бесподобно правдивых чертах». И какое мастерство проявил Федотов особенно в последней картине! Как продуманно и вместе с тем как непринуждённо-правдива композиция, как свободно, сильно естественно развинулось действие, раскрываются сюжет и идея картины, как сочно и ярко охарактеризован каждый персонаж, как связаны с общим замыслом мельчайшие детали, как, наконец, всё это колоритно, красиво написано!

Федотов поднялся на вершину художествен-

Рисунки П. А. Федотова

Начальник и подчинённые.

Нет, не выставлю!
Не пойдёт!

ного мастерства, достиг апогея своей славы. Сам великий Брюллов растроганно поздравлял Федотова, признавая, что тот его «обогнал». Казалось, что перед художником открылся широкий путь дальнейшего творческого творчества в избранном им направлении. Он сблизился с передовыми, революционно настроенными сотрудниками журнала «Современник», выполняет по заказу Некрасова серию сатирических рисунков, но вышедшая после 1848 года серия политических репродукций «Самый извращенный» была запрещена. Нанутое революцией в Европе, дарское правительство стремится подавить в России всякий проблеск свободной, смелой мысли. Был арестован и выслан рядовым солдатом в Оренбургскую губернию, где должен писать и рисовать. Шенников. Отбыл административную высылку Салтыков-Щедрин, вынужден был жить эмигрантом за границей Герцеи; самодержавие готовило каземат для умирающего, измученного нуждой и преследованиями цензуры Беллинского. Гибель «старшей цензуры» ввиду смерти Беллинского и карикатуры «Самый извращенный» была запрещена к воспроизведению, серия сатирических рисунков, подготовленная для «Современника», была конфискована, задуманный художником сатирический журнал был запрещен.

Федотов переходит к художественным работам. Он пишет сатирические репродукции, но тонкости живописи картину «Занят арестанта» (1849) и грустно задумавшуюся о своей судьбе, оставшуюся без средств к существованию «Вдовушку» (1850—1851). И ее случайно портрету умершего мужа придает художник черты свойства с собой, исследуя картину в сущности, своеобразное, вошедшее в поэтический образ скорбное размышление художника о тяжести жизни.

Но личная, в какой-то мере автобиографическая тема получает под кистью талантливого художника широкое социальное обобщение, остро затрагивает вопросы жизни женщин в современном ему обществе.

Последней, преславленной работой Федотова явилась его необычная картина «Анкор, ещё анкор». Сознанием безысходной тоски, безысходности положения пронизана эта работа художника.

Затерянный в одном из «медвежьих уголков» России, пропадающий в томительном бездействии, точно сосланный на край света, офицер. Нравственно опустившись, в тоске и бездействии, он развлекается игрой с собакой и, путая русские слова с французскими («анкор» и означает «ещё»), заставляет её бесчисленное множество раз прыгать через дынный чубук трубы. В комате тихо и страшно от давящей, смертельной тоски, и в этой томительной тишине слышится лишь однообразные, как маятник, удары мягких собачьих лап. Смело прозвонные вятка сына и тени выдают лишь самое существование в картине, всё остальное складывается в суровую картину общего тона, передающего и душной воздух избы, и скучный свет ночи, и общее подавленное, сурово-безысходное настроение.

И когда смотришь на эту картину, когда читаешь смыслы Федотова, — понимаешь весь трагизм художника-демократа, создающего необходимость коренного изменения омерзительной николаевской действительности и не видящего реальных путей к революционному преобразованию царской России. И уже не кажется удивительной душевная болезнь Федотова, и понимается глубокую правоту Краевского, жившего тогда же Федотова, котлята была поддержка, на него встал, и он был раздавлен.

Но уже в конце 60-х — начале 60-х годов, на основе мощно нарастающего революционно-освободительного движения, заветы Федотова, основоположника русской реалистической социальной-бытовой школы, продолжаясь Перовым и развиты в последующем творчестве художников-передвижников. Произведения Федотова сохраняют выдающееся историко-художественное значение и в наши дни; они близки и дороги советским людям — достойным наследникам лучших достижений культуры прошлого.

В. ПРЫТКОВ,

кандидат искусствоведческих наук

СОЛДАТЫ СВОБОДЫ

В лучших стихах сборника большим чувством соответствуют строгая форма письма, всегда энергичный стих.

Стих С. Нарочетова являлется и некто в стихах-памфлетах, обращённых к иуде Тито или к его фантастическому хозяевам («Тит и Калитина», «Сенатор», «Страх о Канне и об Иуде»), и насмешлив, тогда поэт, увидев на турецкой границе американизированного ялычара, спрашивает себя:

Верно, вновь за парту мне садиться
И глотать наизусть дыши...
— Есть ли султанская граница
Между ЦСДР и США?

Большим чувством согреты стихи о партии, о нашем сталевом понятии, которое «без громких слов и просветительных слез», «посреди обугленной планеты» получило из рук коммуниста, С. Нарочетова бесшестеро-партийности. Во многих стихах писались уже о стихотворении С. Нарочетова «Ностер» (1946 год). Оно привнесло своей поэты символической образности. Солдатский ностер, разозленный над Эльбой русским и американским солдатом, воспроизвелся как символ интернациональной дружбы. Это отчётливое стихотворение мы вновь прочитали в сборнике. Оно приобрело сегодня ещё более сильную актуальность.

И как логическое его завершение, как суровое напоминание всем тем, кто попытается загнать ностер дружбы между народами, «встать на пути вен буддизма и наиз», воспринимавших строки из стихотворения «День Победы»:

И если в смертной слепоте своей
Враг решит нам вновь вспахать беды,
И встать в году с наступающей весной,
Пригодных для другого дня Победы!

Не все стихи сборника равноценны. Относительно маловероятными кажутся нам стихотворения «Два солдата», «Моя логика». Ничего возможного поэта стихотворения Советской Армии.

Можно спорить, оригинальна ли мысль в таких стихах, как «Россия», или не слишком ли рассудочно стихотворение «В преддверии коммунизма», ведь в одном ряду с такими стихами, как «Ностер», «Илотина», «Асиер», «Тяжелые оковы», «Стальное поколение», «Идеальный солдат», иные стихи попросту менее впечатляющие. Иными словами, сборник С. Нарочетова — творческая удача поэта.

Владимир ОГНЕВ

КНИЖКА ПОДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

В издательстве ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» вышли в свет следующие произведения: В этом романе Вилис Лавис повествует о том, как воспринимал духом латышский народ строит новую жизнь.

Автор правдиво рисует картину перехода от индивидуального крестьянского хозяйства к колхозному строю в деревне. На примере разрыва, происходящего в семьях южана Туркина и подруги Юрия Пашенца. Лавис поднимает тему старых порядков, устоев, нравов и быта.

Роман «К новому берегу» В. Лависа — реалистическое произведение о становлении советской жизни в студию моря — нинга рассказов Ю. Шашируна. Автор хорошо знает жизнь и быт жителей Севера. Он правдиво рассказывает о героизме и мужестве людей, преобразующих суровый край. Ю. Шаширун показал, как в жизни народов Севера под влиянием коммунистической партии, с помощью великого русского народа произошли коренные изменения.

В сборнике «Там навел свою юницу стихов молодой поэт Юрий Левантский. В ней собраны стихотворения разных лет. Образуют

на себя внимание стихи о послевоенной жизни советского воина. Автор просто и в то же время живо рассказывает поэтически языком о боевой обстановке, лагерном быте, о мирных делах Советской Армии.

Интересны также стихи «Встреча с Москвой», «Москва — Ленин». Стихи Левантского органически связаны с событиями нашей жизни, с действительностью. Это — стихи о «завоевании» — романтической Дни Петрова (Вирюна) — рассказывает об исторических судьбах динского государства. Поднимает тему любви к Родине, о великой русской войне. Рисует жизненный путь трёх поколений, автор продолжает социальные изменения в судьбе человека за пятьдесят лет.

Роман заканчивается событиями Великой Отечественной войны. Под таким названием вышла книга стихов Павла Шубина. Основной темой книги является ярность советского человека своему гражданскому, воинскому, патристическому долгу. Стихи пронизаны глубокой любовью к Родине. Они характеризуют своей целеустремлённостью, чистотой чувства, лиричностью. Стихи и поэмы Шубина написаны лёгким и выразительным языком.

Сабахаттин АЛИ

Арык

Рассказ

Рисунки Л. Вродаты

В аррыке Чумра, там, где он вытекает из озера Бейнехир, вода прозрачна, но в Коинийской равнине она пошла на аровь...

Вы скажете, что это от красноты, что отрив богата равнина; я же думаю, что это от крови убитых крестьян: Мехмеда Дедемкейлю и его брата.

А небо над Коинийской равниной вовсе не голубое: оно бледно-бледное...

Вы скажете, что это от пыли, поднимаемой ветром; а мне кажется, что это от бедности лица Мехмеда Заара, который томится в Коинийской тюрьме.

Чтобы получить в степи хоть какой-нибудь урожай, приходится буквально скресть землю ногтями. Соха почти не берёт эту окаменевшую почву, которая ничего не может родить, кроме чертополоха да травы ростом с ворюк.

И арык, прорытый крестьянами, лишь подчёркивает безводность степи. Его мутные и ледяные воды текут медленно-медленно, словно вахуарьсь, будто они недоулыбаются, что попали сюда. Они не только не могут напоить жаждущую, потрескавшуюся от жары землю, но даже не дают прохлады, высывая под лучами солнца. Точно река жидкого масла, они льются густым, лавоидным потоком.

Запыленные степные деревушки, обожжённые хлынами деревьями, похожи на кучи пепла. В них живут люди с ватруженными, разбитыми работой руками, с морщинистыми лицами, чёрными от загара. Они упорно пытаются вырвать кусок хлеба у этой земли.

Деревня Делем находится рядом с арыком, однако воды в нём так мало, что его вселя полить даже небольшой огорожок, не говоря уже о крестьянских наделах. Поэтому лица крестьян в дождливый год здесь смотрят приветливо, а в засушливые годы хмурятся, мрачнют и с напрасной надеждой поворачиваются к мутным водам арыка. Дождливый же год случается раз в пять лет.

Мехмед Дедемкейлю и Мехмед Заар были не только соседями, но и ровесниками. В раннем детстве они вместе кувалились на гумне, росли в пыли и навозе деревенских улочек. Потом подростками они вместе выгоняли на пастбище тощих крестьянских коров, а на досуге ходили к арыку швырять камнями в лягушек.

Позрелее, они вместе с матерями носили на базар шёлкое масло, ходили в горы за дровами и сообща продавали их, а когда удавалось сорвать с какого-нибудь неопытного горожанина несколько лишних курушей¹, вме-

¹ Куруш, или пинастр, — мелкая турецкая монета.

Сабахаттин Али — прогрессивный турецкий писатель. В 1946 году он был арестован и убит турецкими реакционерами.

Рассказ «Арык» повествует о трагическом положении крестьянства в Турции.

сте покупали себе одинаковой материи на рубашки.

Потом, уже молодыми парнями, они вдвоём ходили на свадьбы, плясали с молодаянками, помогали умять невест. Их связывала крепкая, возможнословная дружба, и часто можно было видеть, как они бегали вместе, взявшись за руки.

Однако очень скоро вечная забота о куске хлеба, который они зубами вырывали у этой бесплодной земли, сделала их более серьёзными и степенными. К тому же на их плечи легло всё домашнее хозяйство, и они стали видятся совсем редко. Мехмед Заар женился, а у Мехмеда Дедемкейлю умер отец, и он остался старшим в семье, состоявшей из матери, сестры и восемнадцатилетнего брата.

Иногда по вечерам два бывших товарища сидели рядом на корточках у мечети и смотрели, как возвращаются в деревню стадо; затем взглянув друг на друга с чуть заметной улыбкой, расходились по домам.

А через некоторое время в один и тот же день женились Мехмед Дедемкейлю и его брат. Они обзавелись жёнами, которые им в хозяйстве больше рабочих рук.

В их лучине из необожжённого кирпича разместились, каждая в своём углу, две невестки, которым вместе было не больше двадцати лет.

И жизнь продолжала идти своим чередом, как она шла уже целые столетия: в безмолвной борьбе с твёрдой, как камень, почвой, а тщетной надежде добыть хоть небольшой кусок хлеба. Воспоминания о юности, о дружбе, о прежнем удастье постепенно исцедили из их памяти, вытесненные постоянными думами о хлебе наущном.

Как-то раз, поливая свой участок, Мехмед Заар вдруг заметил, что

уровень воды в арыке падает и уже показались слои жёлтоватого ила на дне. Подняв голову, он посмотрел на арык, потом на поле Мехмеда Дедемкейлю, лежащее немного выше по течению арыка, и увидел, что там сделали запруды и берут воду для своих посевов.

Он послал к ним шестилетнего сына. Тот, прыгая босиком по сохнущему на солнце камню, приближался на поле Мехмеда Дедемкейлю и закричал:

— Мой отец велит пустить воду!

Но Мехмед ничего не ответил. Мальчуган постоял немного, потом убежал обратно. Тогда оба Мехмеда, хотя их и разделяло сто пятьдесят шагов, многозначительно взглянули друг на друга. Взгляд их выражал многое и прежде всего то, что с этого дня между ними начинается вражда, не знающая примирения. В их глазах не было невинности: ведь между ними же произошло нечто такое, что могло бы породить это чувство. Там отражалась лишь тесть борьбы за землю и воду, тесть, который, уняв на душу человека, делает её чёрной.

Возможно, в их глазах мелькнула ненавдо-

и печаль, вызванная тайной душой о том, что вот теперь они должны будут враждовать друг с другом насмерть, чтобы выжить и удержаться на этой скудной, иссушенной зноем земле и вырвать у неё хоть горсть зерна. Возможно, и была такая печаль в их глазах, но виновности там не было.

Мехмед Заар не смог бы справиться с двумя братьями, потому вначале он хотел уладить дело миром. Но он понимал, что это не удастся: воды на оба поля всё равно не хватит. И, словно в подтверждение этого, Мехмед Дедемеккю ему даже не ответил.

Мехмед Заар стал ждать. Он приседал на свой клочок земли, глядел на дно пересохшего арыка, затем долго смотрел на Мехмеда, бродившего по своему полю, смотрел и ждал. Никогда взглядом на небе какое-нибудь облачко и опять ждал...

Худосочные посевы едва успели подняться от земли, а солнце палило всё сильнее и сильнее, как будто хотело погубить их. Нежные ростки, напоявшиеся лязк задыхающейся от жары собаки, сохли под его лучами.

Жалкие искорки! На поле Мехмеда Дедемеккю они поднялись по колено, а у Мехмеда Заара не превышали и двух вершков. Солнце же, как вольно, лило свои лучи как бы через невидимую трубу, валившую только на поле Мехмеда Заара. И победы, едва увидевшие свет, уже желтели.

В городе имелось аграрное управление с большим штатом: директора, бухгалтеры, чиновники — однако ни одной капли влаги не попало на поле Мехмеда Заара.

Он видел, как вместе с едва всходящими посевами начинают кахнать его жена, старуха-мать и сын, работающие от зари до зари с катаньем в руках. Он видел это, о чём-то думал и всё ждал.

Никто не знает, о чём думает крестьянин-степняк и чего он ждёт.

Однажды ранним утром он взял винтовку и вышел в поле. Там он зашёл на дне пересохшего арыка. И когда на своём поле появились

Рисунки А. Паукова

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был седобородый старец. Шла мова, что мудрость у него превращает доброту, а доброта не уступает мудрости.

В самом большом городе той страны, где жил добрый мудрец, на самой людной площади стоял идол высотой в тысячу один человеческий рост. Глаза его были из драгоценных камней, волосы — из чистого серебра, а туловище — из чеканного золота. И народ той страны слепо поклонялся этому чудищу, верил, что идол создал на земле добро и

Мехмед Дедемеккю и его брат, раздался выстрел.

Нет ничего легче, как убить или умереть на этой сухой земле. Прибравшей жене Мехмед Заар велел разрыть заруду и поить поле и сказал, что теперь уже никто не закроет воду. А когда жена хотела идти, он остановил её и приказал, чтобы она с сыном изредка навещали его в тюрьме и чтобы никто не смеет обижать старуху-мать. Затем он опустился на землю, посмотрел долгим взглядом на жену, которая расчищала путь воде, и стал поджидать деревенской старосту с жандармом, которые уже приближались к нему.

Воды арыка у деревни Делем красне-красные, топит кровь Мехмеда Дедемеккю и его брата...

А небо над Конийской равниной бледно-бледное. Точь-в-точь, как лицо Мехмеда Заара в тюрьме...

Вместе с ним сидят пастух из той же деревни. Он осуждён на два года по ложному обвинению в краже овец за то, что осмелился требовать у аги¹ плату за год работы. Этого пастуха во время прогулок окружают во дворе крестьяни, и он, полузакрыв глаза и слез-

¹ Ага — деревенский богач, кулак.

ка откинув голову назад, заводит песню, которую сложили в деревне Делем:

Чёрная доля в селеенье пришла:
Смерть у двух знои живей унесла.
Воды радуют — утешить нельзя,
Смотрят враги, плачут друзья...

Но как только пастух увидит Мехмеда Заара, сразу же умолкает: он знает, что тот не может равнодушно слушать эту песню.

Перевел с турецкого
Д. ЕРЕМЕЕВ, В. ФИЛАТОВ

Назым ХИКМЕТ

Золотой меч

Сказка

Зло, богатство и бедность, красоту и уродство...

И только наш седобородый старец не поклонялся идолу, ибо не верил в него.

Сначала он скрывал своё неверие, затаив его глубоко в душе, но с годами ему становилось всё тяжелее хранить эту тайну, которая камнем давила его сердце.

И вот однажды, не выдержав больше, он пришёл на площадь, где возвышался идол, и обратился к народу:

— Почему вы поклоняетесь истукану с глазами из драгоценных камней, с волосами из чистого серебра, с туловищем из чеканного золота? Не вы ли сами поставили его здесь? Вы думаете, что идол сотворил вас, но ведь он сам — творение ваших рук и вашего воображения: в мире нет ничего, кроме безначальной, бесконечной природы, которая вечно меняется и не создана никем. Разрушите же идола, о мои соотечественники!

Люди, слушавшие предбородого и премудрого старца, вначале не поняли его, затем удивления, потом развелись и, насмехаясь, катаясь с земли огромные комья, стали поспевать мни старика. Однако он продолжал говорить. Седая борода его окрасилась кровью. Но он не замолчал.

И тут совершилось чудо: старец, говоривший под гласом каменной правды, вдруг начал молодеть... От того, что он молодел, глос

его крепчал, и он говорил всё громче, в так же как он говорил всё громче, то становился всё моложе и моложе...

Те же, кто бросал в него камни, быстро старели: спины у них горбились, руки дрожали, глаза сливались, они уже не в силах были воздвигать идолов.

Тогда бесстрашный мудрец, став совсем молодым, одним ударом кулака опронюнул того огромного истукана, что был ростом с тысячу одного человека.

И если ты всегда будешь смело стоять за правду, не боясь, что тебя закидают камнями, то ты тоже, подобно этому доброму мудрецу, жившему некогда в одной из стран, удостоишься вечной молодости и избежишь смерти.

Перевод с турецкого

Земля далеко внизу. С каждой минутой шире становятся кругозор, и одновременно мельче выглядят предметы на земле. Аэродром, с которого подыалась машина, кажется уже не более носового платка.

Всё выше и выше взбирается самолёт.

«Пять тысяч метров», — отмечает натренированный глаз Виктора Першина.

Чтобы проверить себя, он смотрит на альтиметр — прибор, показывающий высоту. Маленькая стрелка прибора — около пятёрки, большая — на девятке.

«Правильно», — думает Виктор, — всего на сто метров ошибся».

Першин сидит крайним у люка. Он первым покажет самолёт. У него на ногах унты, плотно облегают тело меховая одежда, удобно сидят хорошо припаянные основной и запасной парашюты.

Давно уже пришлось надеть кислородные маски; энергично надо экономить: каждое движение на большой высоте отнимает много сил.

Товарищи скупо переговариваются между собой: знакомы, спрашивают друг друга о самочувствии. Вот всегда слегка медлительный и немногословный, один из старейших парашютистов страны, инструктор Московского городского аэроклуба Иван Козлов; говорливый и весёлый Юрий Архангельский, служащий ЦК профсоюза рабочих автотранспорта, спортсмен Центрального аэроклуба СССР имени В. П. Чкалова; студент Киевского института физкультуры Борис Усатый и учительница из Малаячки Аминат Султанова. Сегодня они все должны совершить групповой рекордный затяжной прыжок.

Виктор Першин, студент-дипломник Московского энергетического института имени В. М. Молотова, — самый молодой из участников. На счету Виктора 119 прыжков. Невелика его спортивная биография: 27 апреля 1949 года Виктор впервые подыался в воздух с парашютом за спиной.

Интерес к парашютному спорту появился после лекции, которую прочитал в их институте один из опытных спортсменов страны. Мастер парашютного спорта говорил о достижениях советских парашютистов, о красоте и величии этого вида спорта.

С захватывающим интересом слушал Виктор рассказ об управлении свободным падением, стараясь понять, каким образом можно затормозить и ускорить падение и даже изменить направление полёта.

А когда лектор сказал, что желающие могут записаться в секцию парашютного спорта, Першин один из первых подал заявление.

Долгими казались ему дни наземной подготовки, но Виктор настойчиво шёл к намеченной цели. Он упорно тренировал в себе выносливость, быстроту, волю, регу-

Ренордсен страны В. Першин.

Фото В. Тюккеля

ОТВАЖНЫЕ

лярно занимаясь лыжами, гимнастикой. А вскоре Виктор Першин выполнил нормативы парашютиста-спортсмена первого разряда.

Однажды после соревнований к нему подошёл мастер спорта Павел Андреевич Строченко. Он предложил Виктору сыграть его уевином. Молодой спортсмен с радостью принял его предложение. Внимательно следил за ростом юности известный мастер, делясь с ним накопленным опытом.

И вот Виктор на борту самолёта.

— Как себя чувствуешь? — время от времени спрашивают его товарищи. Виктор молча улыбается.

Всё ближе и ближе заветная высота. Ревет, карабкаясь ввысь,

самолёт. С каждой минутой нарастает волнение.

Волнует, оказывается, все. Виктор это ясно видит: вот всё никак не найдёт удобного положения Юрий Архангельский, время от времени поправляет кислородную маску Борис Усатый, не сидит спокойно в аэтеран парашютного спорта Иван Козлов.

Да и можно ли не волноваться? Ведь через несколько минут предстоит совершить рекордный прыжок в честь XIX съезда родной Коммунистической партии!

Тщательно готовились к этому делу спортсмены. Давно начались тренировки. Сначала они проходили на земле. В специальных герметически закрытых помещениях — барокамерах — участники при-

учали свой организм к кислородному голоданию, которое они будут испытывать на большой высоте.

Вскоре до пяти тысяч метров «поднимались» уже без кислородного прибора, а выше совершали «подъём» с дополнительным кислородным питанием.

Закончив тренировки на земле, парашютисты приступили к прыжкам с самолёта. Сначала задержка в раскрытии парашюта была незначительной — 20—40 секунд. Но день ото дня продолжительность свободного падения росла. Последние тренировочные прыжки спортсмены совершали, задерживая раскрытие на 110 секунд.

«Стрелка альтиметра перевалила за восьмёрку. Заданная высота достигнута.

Зажглась сигнальная лампочка: «Приготовиться!»

Открывается люк. Виктор отключает свой кислородный аппарат от бортового питания и переходит на индивидуальное.

— Пошёл!

Виктор включает секундомер и бросается в люк.

Завертело, закувыркало его отброшенным от винтов самолёта воздухом.

Сначала Виктор сжался в комок, а потом стал нетерпеливо вытягивать ноги, выставляя одновременно вперёд руки. Ощущения того, что он падает, почти нет; Виктору кажется, что он просто подвешен в воздухе.

Далеко-далеко внизу земля, но на ней ничего толком не различить. Серая масса, затннутая дымкой.

Свистит, обтекая шлем, воздух. Виктор летит плашмя, лицом вниз; меховые унты, в которых «запутывается» воздух, чуть-чуть тормозят.

Сбоку, поодаль от Виктора, появляется другой летящий камнем вниз спортсмен.

Першин осторожно поворачивает голову, стараясь по «ходке» узнать «спутника».

Ну, конечно, это, прыжак с туловищу руки, чтобы уменьшить площадь сопротивления, летит Борис Усатый.

А вот их догоняет Аминат Султанова.

«Молодец Аминат, — думает Першин, — как она умело регулирует своё падение!»

Виктор сшил глаза на секундомер, привязанный к тыльной стороне руки.

Уже 130 секунд свободно падает он.

И только в это мгновение парашютист особенно ясно почувствовал, что земля, бывшая до этого так далеко, стала вдруг приятной близости, со страшной быстротой. С особенной чёткостью проступило каждое дерево, каждая тонкая полоска тени от радиомачты.

Хотелось дёрнуть кольцо.

О ПРИРОДЕ

О народ, народ преславный!
Тыся последние потоки
...Все прекрасны, все охватят
Сожмнут рукою сильной,
Победят — природу даже.

А. Н. Радищев

Сажал дерево, и тем я веселюсь,
Что если от него сам тени не дождусь,
То вник мой некогда сей тенью насладится...

Н. А. Крылов

Лес у него, кроме того, что для леса, нужен затем,
чтобы в таком-то месте на столько-то влася прибавить
полака, на столько-то унавожить падающим листом, на
столько-то дать тени... Когда вокруг засуха, у него
нет засухи; когда вокруг неврожай, у него нет невро-
жая.

Н. В. Гоголь

Природа не храм, а мастерская, и человек в ней
работник.

И. С. Тургенев

...леса украшают землю, ... они учат человека пони-
мать прекрасное и внушают ему величаемое настроение.
Леса смягчают суровый климат. В странах, где мяг-
кий климат, меньше тратится сил на борьбу с при-
родой...

А. П. Чехов

...когда я слышу, как шумит мой молодой лес, поса-
женный моими руками, я сознаю, что климат невозмо-
жен и в моей власти, и что, если через тысячу лет че-
ловек будет свистать, то в этом невозможно будет выго-
ват и я. Когда я сажаю березку и потом вижу, как

она зеленеет и качается от ветра, душа моя напои-
вается гордостью...

А. П. Чехов

...задача физиолога не описывать, а объяснять при-
роду и управлять ею, ... завладеть ею и, подчинив ее
себе, быть в состоянии по своему произволу вызывать
или прекращать, видоизменять или направлять жиз-
ненные явления.

К. А. Тимирязев

Мы не можем ждать милостей от природы; взять их
у ней — наша задача.

И. В. Мичурин

Добьёмся урожая мы,—
втройне,

земля,
рожай!

Пожалте, уважаемый
товарищ урожай!

В. Маяковский

Я знаю —

город
будет,

Я знаю —

саду
цветь,

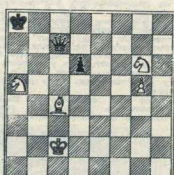
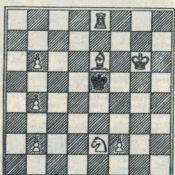
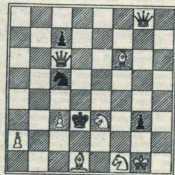
Когда
такие люди
в стране

есть!

В. Маяковский

ШАХМАТЫ

Под редакцией мастера Л. Абрамова

Мы предлагаем нашим читателям для решения две задачи и этюд. Задача № 1 составил ученился Саратовского суворовского училища Александр Тушев.

Требуется выиграть такой первый ход белых, чтобы при любом ответе черных можно было на втором ходу объявить мат.

Это уже не первое произведение молодого шахматного композитора. Некоторые из них были отмечены

премиями на конкурсах составле-
ния задач.

Задача № 2 принадлежит З. Бир-
нову (Сталинград). Здесь следует
отметить возможность для белых
дать мат не поодне 3-го хода. При
этом надо предусмотреть все отве-
ты черных.

На диаграмме № 3 помещен
этюд первого русского мастера
А. Д. Петрова (1794—1867). Он был

опубликован в 1824 году в первой
русской шахматной книге «Шахмат-
ная игра, приведенная в система-
тический порядок с присовокуплен-
ием игры Филдзора и примечаний
на оныя, изданная Александром
Петровым».

На первый взгляд кажется, что
белым не избежать поражения,
так как они должны потерять одну
из своих фигур. И всё же они доби-
ваются ничьей.

СМЕНА
В номере:

Микс Матушевский — Цы-
плинское море. Великий путь.
Стихи.
Я. Стегел, В. Ордын-
ский — Траса юности.
С. Яковлев, О. Васильев —
По стопам земляки.
Григорий Вахлаков — Пер-
вые песни. Рассказ.
Игорь Кобзарь — Востанки. Сти-
хи.
А. Колосов — Преображенная
земля.
В. Гурьян — Вода. Стихи.
Л. Обухова — Балканские
сегрегаты.
К. Козубово. Беседа с андеми-
ном Н. В. Цициным.
У мыса Таши-Таш. Фотохор:
А. Мышкова.
Анна Саксе — Искры в ночи.
Отрывок из романа.
Теофилис Тильвитис —
Большое чувство. Стихи.
В. Прятков — П. А. Федотов.
Владимир Огнев — Солдаты
свободы.
Сабхаттин Ади — Арык Рас-
сына.
Мадья Хинмет — Золотой
Мял. Сказка.
Н. Коротева — Отважные.
Н. Ларьян — Год слезы.
М. Корнев — Американский
футбол.

На первой странице
обложки: Веселая на Алтае.
Рисунки Н. Пильдинова.

На четвертой страни-
це обложки: Осень. Фото
А. Фирсова.

Оформление номера
В. Урлана.

Ответственный редактор — А. Баранов.

Адрес редакции: Москва, 47, ул. «Правды», 24. Тел. Д-334-24.

А. 00978.

Подписано к печати 6/ХІ 1952 г.

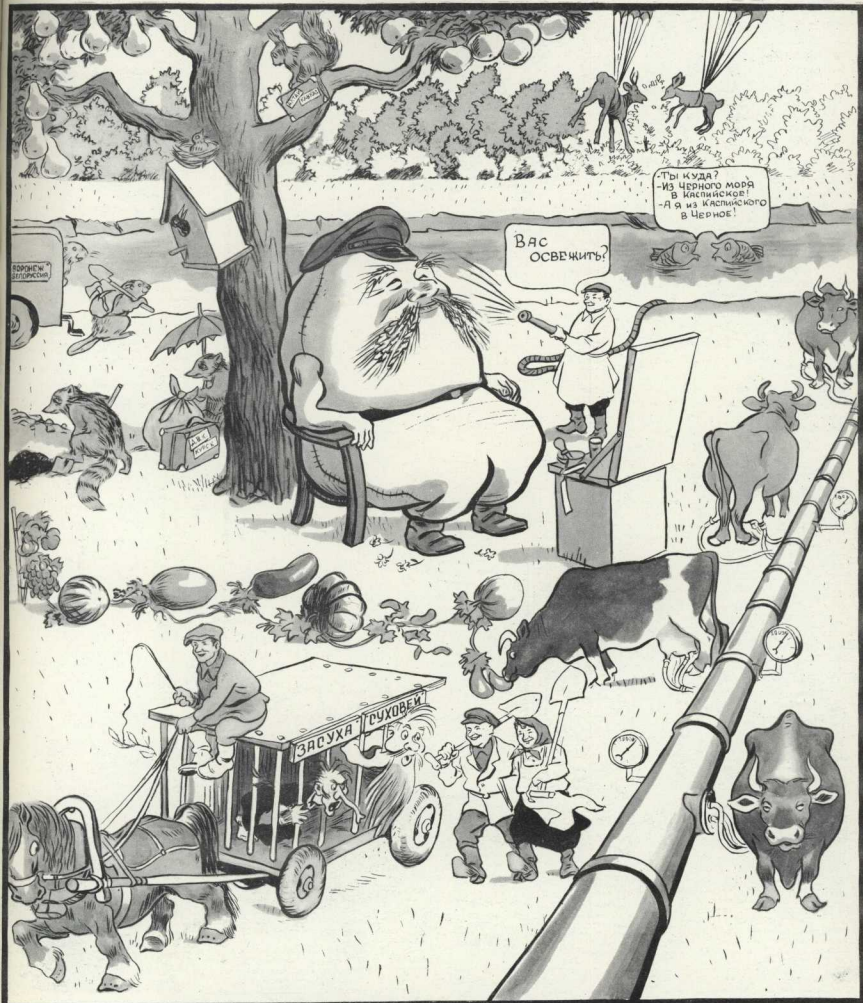
Знака № 2659.

Тираж 120 000 экз.

Изд. № 919.

Формат бумаги 70 × 108/16. 1,75 бум. л. — 4,8 поч. л.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Читатель разберётся сам,
Где сказка здесь, где быль живая.
Порой не верим мы глазам,
На новостройки приезжая

Или в колхозы, на поля...
Что было сказкой — стало былью.
Преобразуется земля,
Страна стремится к изобилью.

Дмитрий СМЕРНОВ

